

Генрих Кранц

Ковчег и Звездочерт

Повесть

Глава 1. Звонок

С овсянкой у Ясика не сложились отношения: каша оказалась чересчур прилипчивой, и ее нельзя было есть по кусочку, как колбасу или шоколад. Ясик любил еду, которую можно отложить на потом. А вот Оля, пятилетняя сестра, любила все то, что можно съесть сразу, за один присест.

- И долго ты будешь давиться? – сказала мама, отставляя кофейную чашку в сторону.

Папа, который по утрам всегда обходился стаканом чая и яблоком, поднял голову и соболезнующе посмотрел на Ясика.

- Ты знаешь, что Сталлоне в детстве обожал овсяную кашу?

- Папа, я это слышал много раз. А вообще, в Америке едят овсяные хлопья с молоком, а не эту вашу кашу...

Ясик с трудом проглотил облепивший ложку студенистый ком и посмотрел в окно, надеясь увидеть там Сталлоне, перепачканного овсяного кашей с головы до ног. Это видение значительно облегчило бы его муки, но никакого Сталлоне там не было. И вообще, ничего из того, что способствует пищеварению, за окном не было.

- А я где-то читал, что он был необычным ребенком и поэтому любил кашу. – Виновато сказал папа.

- Америка большая, там много чего едят. – Изрекла мама. – А ты меньше умничай и побыстрее доедай. – она посмотрела на Олю. – Вот, молодчинка! Все бы так, - мама наклонилась над Олей и вытерла ей рот. – Умничка ты моя...- она поцеловала ее в макушку, и сестра на радостях забила ладошками по краю стола.

- А Яська ночью телефоном игрался...- вдруг радостно объявила Оля. – Он у него под подушкой лежал...

Ясик наклонился над тарелкой и усиленно заработал ложкой. Ну, Олька! Ну, ты и получишь!

- Оля, не ябедничай! – папа встал из-за стола и посмотрел на часы, висящие на стене. – И давайте, поторапливайтесь. А то наша мама зимой без шубы останется. Вы же не хотите, чтобы мама замерзла?

- Не хотим, - сказала Оля. – Когда я вырасту, мне тоже купят теплую шубу.

- Если не будешь ябедничать, обязательно купят.

Папа, неделю назад вернувшись из командировки, объявил, что в связи с приближающимся днем рождения, он хочет подарить маме шубу. И сегодня они, наконец-то, решили пойти за подарком. А заодно купить Ясику и Оле коньки. Зима обещала быть морозной, как тут без коньков?

Каша покрывала дно тарелки серым войлоком. Ясик проглотил последнюю ложку и, пользуясь тем, что папа вышел из кухни, а мама отвернулась, схватил тарелку и отнес ее в мойку. Вода радостно забурлила, смывая следы преступления.

- Оставь ее, когда вернемся, домоем, – сказала мама.

Ясик, вздохнув, закрутил кран до отказа. Он любил мыть посуду, а тарелки с остатками недоеденной каши тем более. На этот раз не получилось.

Он тщательно вытер руки кухонным полотенцем и уже выходил из кухни, когда папин мобильник, лежащий на полке, запрыгал. Ясик сразу понял – что-то случилось. Папин телефон всегда прыгал, когда ему предстояло сообщить

что-то важное и сердитое. А когда новости были приятными, он крутился вокруг своей оси.

Папа взял телефон и поднес его к уху.

- Да, - нахмурившись, сказал он. – Только без паники – когда и как?

Ясик стоял в коридоре и молча смотрел на папу.

- Какой разлив? Диаметр? Давление удалось сбить?

Его лицо затвердело и стало похожим на вырезанную из дерева маску.

- Но это займет много времени, – он потер ладонью щеку. - Узнавайте ближайший рейс и высылайте машину.

Папа выключил телефон и виновато посмотрел на Ясика.

- Такие, сына, дела.

Мама выглянула из комнаты.

- Что-то случилось?

Папа вздохнул.

- Маша, придется вам купить шубу без меня. В Юганске рванул трубопровод. Сейчас придет машина, надо собираться.

Ясик подошел к маме и прижался к ней плечом.

— Вот это да, - вздохнула мама. – Ты даже не успел отдохнуть...

Папа развел руки в стороны.

- Ничего не поделаешь, авария.

Погрустневшая мама на мгновение отвернулась. Когда она повернулась лицом к папе, то стала такой же, как прежде – внимательной и спокойной.

- Ты какой чемодан возьмешь – большой или маленький?

С большим чемоданом папа уезжал надолго – на месяц, на два. С маленьким – не больше, чем на неделю.

- Большой.

Папа сел на корточки и внимательно посмотрел в глаза Ясику, потрепал по волосам выскочившую из комнаты Ольгу.

- Ребята, вы должны помочь маме выбрать шубу. Самую красивую и теплую.

Обещаете?

- Обещаем! – хором выдохнули Ясик и Ольга.

- Спасибо... мои... хорошие...- сказала мама.

Она обняла детей и прижала их головы к своей груди. Ясику на мгновение показалось, что где-то в глубине ее тела что-то неслышно подрагивает. Как ветка под невидимым сквозь стекло ветром.

Глава 2. меховой пир

Ясик и раньше заходил с мамой в этот магазин. Белые, рыжие, светло-коричневые шубы висели на вешалках, как будто звери, вытянув лапки кверху, сдались на милость покупателям.

Женщины в сопровождении мужчин ходили вдоль рядов, мяли и тискали мех, вскидывали его в воздух, отчего по густому ворсу пробегала беглая, золотая рябь.

- Ребята, как вам вот эта? – мама взяла в руку вешалку с коричневатой, длинной, как колдовская мантия, шубой и приложила ее к себе.

- Ой! – радостно захлопала в ладоши Оля. – Она такая красивая!

- А что скажет наш мужчина? – мама с улыбкой посмотрела на Ясика.

Он не знал, что сказать. Главное, маме нравилось, а Ясику нравилось то, что нравилось маме.

- Супер! – сказал Ясик. – Ты похожа на королеву из какой-то сказки...

- Из какой? – мама любила точность и требовала, чтобы дети четко выражали свои мысли. Она сняла свой зеленоватый пуховик и накинула шубу.

Золотисто-рыжая норка мягко обняла плечи и грудь, окружив маму трепетным сиянием.

- Волшебник из страны «Оз», – сказал Ясик.

Мама улыбнулась и закрутилась перед зеркалом. В серебристой амальгаме замелькали десятки ее отражений: плечо, спина, грудь. Оля кружилась рядом,

она сама то и дело норовила отразиться в зеркале. Ясику стало скучно, и он отвернулся, разглядывая длинное, колышущееся в меховых волнах, помещение магазина.

Откуда взялся этот невысокий, скользко улыбающийся продавец в звездчатом колпаке, он даже не заметил. Продавец был невысок, розовощек, седая, аккуратно подстриженная щетина, белой подковой лежала на щеках.

- Ну, что вы, уважаемая, это же орегонская норка, она специально выращена для состоятельных клиентов, ей же сносу нет...

Оля, задрав голову, смотрела то на продавца в колпаке, то переводила взгляд на маму.

- Мех теплый, гладкий, норка даже в пятидесятиградусный мороз ложится в снег и спит, не чувствуя холода, - продолжал продавец, вертясь рядом с мамой. - Ей не страшен ни дождь, ни ураган...

- А ею можно укрываться? - для чего-то спросила Оля.

Продавец презрительно покосился на сестренку.

- Что ты спросила, девочка?

- Она спрашивает, можно ли этой шубой укрываться? - пояснила мама.

Продавец осклабился и замотал головой с такой силой, что, казалось, колпак вот-вот свалится у него с головы.

- Да кто ж такой шубой укрывается? - он недовольно чмокнул губами. - Это же меховое пиршество, так сказать, эксклюзив...

- Да это она просто так спросила, на всякий случай...

Продавец покачал головой и снова заговорил, но Ясик его не слушал - он, как замороженный, следил за его руками. Странно, но движения рук продавца совсем не совпадали с интонациями его голоса. Если голос был высок и местами даже резок, то движения казались мягкими, вкрадчивыми, убаюкивающими. Руки медленно обволакивали маму бархатными колебаниями, продавец как будто обертывал ее незримым компрессом, гладким и сонным, как внутренность пуховой подушки. И с каждым оборотом

его голоса мама как бы отдалялась, погружаясь в дремотное очарование, опускаясь все ниже и ниже, словно лист, сорванный зимним ветром.

- С такой шубой вы пройдете по жизни, как по облаку... Как победитель проходит по подиуму... Как повелитель любых жизненных обстоятельств ...

Мама, мягко улыбаясь, перекинула себе на грудь сумочку и полезла за кошельком.

- Мама, а ты швы проверила? Помнишь, бабушка говорила – покупая шубу, прежде всего, проверь швы...

Продавец резко обернулся и воткнул в Ясика острия колючих зрачков.

- Ай-ай-ай! – он покачал головой. – Такой взрослый мальчик, а верит словам какой-то старушки!

- С чего вы взяли, что моя мама - старушка? – мама очнулась и недовольно посмотрела на продавца. – Хотя ей шестьдесят пять, она очень даже ничего...

Мама сняла шубу и, взявшись двумя пальцами за мех, стала разглядывать швы.

- У-у, да что это такое? – она нахмурилась. – Шкурка расползается прямо в руках.

- С чего вы взяли? – продавец наклонился и внимательно посмотрел туда, куда указывала мама. – А это все лишь небольшой дефект, мы сделаем скидочку...

- Фу-у, - мама повесила шубу на руку и стала разглядывать следующий шов. – А вот еще дырка... И еще... Да и шкурка... - она посмотрела на продавца. – Чересчур тонковата... Это же решето, а не шуба...

- Ничего не решето, - поджал губы продавец. – Это дырчатая орегонская норка... Сорт такой...

- Дырчатая, - засмеялась Оля. – Как душлаг...

- Тебе, девочка, не спрашивают. – Сердито посмотрел на нее продавец. – И вообще – за шубой надо приходить без детей. Вы бы еще грудного ребенка с собой привели...

Мама недовольно нахмурилась.

- У моей мамы есть шуба, - сказала она, - приобретенная еще в тысяча девятьсот восьмидесятом году. – мама вернула «дырчатую оregonскую» продавцу. – А у бабушки была шубейка и вовсе дореволюционная...Ее до сих пор можно носить...

- У всякого времени свой мех, – заметил продавец.

- ...так ведь она – без единой дырки. Правда, ее моль чуток поела...А вашу шуба, пожалуй, даже моль есть не станет...

Мама улыбнулась и потрепала Олю по головке.

- Да и, вообще, пойдемте-ка, лучше в «мороженицу». Далась нам эта шуба!

Продавец строго посмотрел на маму.

- Так вы не будете покупать?

Мама пожала плечами.

- Такая шуба мне и даром не нужна...Если бы вы предложили что-то наподобие той, дореволюционной...

Продавец ехидно осклабился.

- Вам нужна шуба или исторические обстоятельства?

- Разумеется, шуба, - натянув пуховик, мама стала привычной и уютной, как прежде. – Но качественная, чтобы я могла носить ее долго...

- Чтобы еще и мне досталось...- вздохнула Оля. – Мне тоже хочется...

- Достанется, - продавец поправил свой колпак и сделал шаг в сторону. – Всем достанется...

Он отдернул ширму, за которой клубился золотистый полумрак, и вопросительно посмотрел на маму.

- Значит, предпочитаете дореволюционное? Так и запишем...

- Что вы мне здесь экзамен устраиваете? Дореволюционное – революционное... – строго сказала мама. – Подсовываете, Бог знает что, и еще что-то говорите...

- Я не говорю, - угрожающе протянул продавец. - Я – уточняю...

Он сделал шаг вперед, ширма колыхнулась, и в золотистой глубине уходящего в даль коридора проплыло мягкое, прошитое белыми лучами, облако.

- Ой, что это? – выдохнула Оля.

Она выдернула свою руку из маминой ладони, подбежала ближе и едва успела заглянуть за ширму, как продавец сделал упреждающий взмах рукой, после чего тяжелая, словно выкованная из железа ткань, отрезала зал от черного рукава коридора. Оля едва успела отскочить – ширма со зловещим скрежетом поползла к соседней стене, колыхнулась и застыла.

- Что там было? – Ясик наклонился к уху сестре.

- Не знаю, - испуганно прошептала Оля. – Что-то круглое и большое...- она крепче сжала ладонь брата. – Яська, этот продавец – колдун...

Мама быстро пошла впереди и Ясик с Олей побежали следом сквозь волны мехового моря, которое уже не казалось таким спокойным. По залу то и дело пробегали струи холодного воздуха и от этого дуновения шубы, манто и горжетки раскачивались, как будто в их мерцающей глубине ожили хищные звери, они вздыбили игольчатую шерсть, распахнули пасти и стали тянуть к людям широкие рукава, похожие на разверстые глотки.

- Быстрей, - сказала мама, - у меня голова кружится...

Они уже почти бежали по залу и, странно, вокруг никого не было: ни продавцов, ни покупателей, ни суровых охранников, лица которых, как казалось Ясику, часто напоминают вареную колбасу. Вокруг гибко топорщился, изгибался живой мех, пышные воротники поднимались и падали, рукава сплетались, полы меховых изделий развевались, словно кто-то невидимый танцевал удалой танец, подбрасывая в воздух легкие, колющие воланы.

Они с трудом нашли выход, мама с разгона ткнула дверь плечом, и в мгновение ока все трое оказались на улице.

Но, честное слово, лучше бы они туда не выходили...

Глава 3. У дверей тайны.

По небу бежали густые, тяжелые облака, из которых на землю падал-лился дождь вперемешку со снегом, ветер сдувал косые струи, заплетал их плетями, которые с яростными шипением стегали редких прохожих по лицам, лупили по мокрым мостовым, запруженными морщинистыми лужами.

- Быстрее, давайте руки! – крикнула мама, с трудом преодолевая завывание холодного ветра.

В Петербурге часто бывает неприветливая погода – как-никак, рядом коварная Балтика, да и Север-батюшка недалек, и его порывистые посланцы часто налетают на город, стремясь собрать с каменного данника свой законный барыш – конфетные обертки, листья, густую, городскую пыль. Мама, держа детей за руки, бежала сквозь снежно-водяную завесу, мечтая, как можно быстрее оказаться дома.

- А как же моложенное? – крикнула Оля, когда они перебежали мост через канал Грибоедова.- Мы же собирались в кафе?

- Потом, Оля, все потом! – крикнула мама, отплевываясь от летящего снега.

Ясик крепче сжал Олю за руку и потащил за собой. Он был рад, что послушал маму и надел теплую лыжную шапку. Если бы не она, волосы – а они были у него длинные и густые – оторвало бы вместе с головой.

Было даже непонятно, отчего так взбесилась погода. В середине октября обычно еще довольно тепло, а тут такая беспросветная влага, ветер, снег. Когда они уже добежали до дома, небо внезапно раскололо молнией надвое, после чего из небесной трещины на город упала непроглядная тьма. Молния в октябре – это уже, вообще, ни в какие ворота не лезет, но Оля, Ясик и мама решили обсудить это уже в квартире.

Слава Богу, фонарь у подъезда, отчаянно мотаясь под ветром, прожигал в снежной круговерти желтые круги, внутри которых было не так страшно.

- Яська, может это конец света? – прошептала Оля, прижимаясь холодными губами к его уху.

- Оля, конца света не будет, - через силу засмеялся Ясик.

Уже вполне большой Ясик знал, что конец света противоречит законам науки.

Но сейчас, в этом средоточии снега, дождя и тьмы в конец света верилось почему-то больше, чем в науку. К счастью, рядом была мама, а с ней любой конец света кажется не таким страшным. Ну, кончится свет, и что? Мама позовет монтера, тот придет и свет снова загорится. А если монтер от страха забьется в какую-то щель, приедет папа и все сделает.

Ясик представил, как папа, не обращая внимания на снег и дождь, стоит у гигантской трубы, из которой со свистом хлещет черная нефть и заделывает пробоину. Вот это по-настоящему страшно, и трудно – а ведь папа как-то справляется. Так что они с непогодой как-то уж справятся.

Открыв дверь, они почти успокоились. Правда, здесь их ждал еще один сюрприз – в квартире не было света.

— Вот незадача! – мама долго щелкала рычажками в электрощите. –

Наверное, где-то провода оборвало...

Пока она снимала куртку с Оли, Ясик разделся и прошел на кухню. В одном из ящичков лежали свечные огарки, оставшиеся после его дня рождения.

Когда в кухне вспыхнул и затрещал слабый, но такой желанный огонек, на сердце стало теплей.

- Ур-ра! – закричало Оля, вбегая на кухню. – Яська отменил конец света.

- Молодец! – похвалила мама Ясика. – Я уже забыла, что у нас свечи есть.

Пусть пока чайник кипит, а я позвоню монтеру.

Она вышла из кухни. Оля и Ясик, сидя за столом, смотрели на тихое пламя свечи и слушали, как ветер швыряет в окно пригоршни дождя и снега.

- Яська, а что будет, если в проводах кончится ток? – спросил Оля.

- Провода починят, и ток появится снова, – сказал Ясик.

- А если его некому будет починить?

- Ну, такого не бывает. Пока на земле есть хоть один человек, ток все равно починят. Без электричества ничего не будет работать – ни телевизор, ни холодильник, ни телефон.

- Да, - вздохнула Оля, - ток – как Бог. – Она внимательно посмотрела на Ясика. – А как ты думаешь, где живет Бог?

Ясик ничего не успел ответить: в кухню вошла мама.

- Оказывается, уже десять часов и монтер сегодня не придет. – Мама покачала головой. – А в аварийную службу я дозвониться не могу – там никто не отвечает...

Ясику на мгновение стало страшно: а что, если, в самом деле, света не будет ни завтра, ни послезавтра, и вообще никогда? Но он тут же взял себя в руки. Ну, не будет? И что? Ведь на земле были времена, когда света не было. И ничего, как-то жили.

- Тогда давайте попьем чаю при свечах. – Предложил Ясик. – Так даже вкуснее – чай в сумерках.

- Давайте. – Согласилась Оля. – Яська, а чай в сумерках – это вкусно?

- Очень вкусно, – сказал Ясик.

- А сумерки – они сладкие?

Ясик посмотрел на улыбающуюся маму.

- Сладкие. Как мармелад.

- Тогда дайте мне чаю в сумерках. – прошептала Оля.

Мама поставила чайник на газ и чиркнула спичкой. Пламя из газовой горелки шипело в тишине.

- Какие вы у меня молодцы, - сказала мама. – Настоящие помощники! «Мне с вами ничего не страшно», —она говорила, а сама вынимала из буфета чашки, ложки, пакеты с булкой и сушками. – Поужинаем, попьем чаю, и ляжем спать.

– Она вздохнула. – Я даже не успела заметить, как время пролетело. В магазин зашли в три, а домой вернулись в десять. Неужели, я мерила шубы семь часов подряд?

Вода недовольно зафыркала, собираясь убежать и чайник, упреждая побег, решительно дунул в свисток.

Мама налила чаю, нарезала бутерброды. Дети поели и, взяв свечу, пошли в свою комнату - стелить постели.

Мама стояла у двери и смотрела, как Ясик и Оля расстилают постели и поправляют одеяла.

-Ну, ребятишки, спокойной ночи! – мама расцеловала детей и, взяв свечу, вставленную в подсвечник, пошла к двери.

- Мама, а ты что будешь делать? – спросила Оля.

- Лягу спать. Что ж еще остается?

Она вышла из комнаты, мамина тень напоследок колыхнулась на оконной портъере. Ясик лег и, закрыв глаза, стал думать о событиях сегодняшнего дня. Было что вспомнить: папин отъезд, поход за шубой, внезапную бурю.

Сон мягко спеленал его узлами-веревками. Так бы он и проспал до утра, если бы сквозь дремоту не долетел тяжелый, мерный стук. Ясику показалось, что кто-то стучит в дверь.

Он открыл глаза и тут же услышал плач. Оля сидела в постели и тихонько всхлипывала.

- Ты чего? – он сел на краешек ее постели, взял сестру за руку.

- К нам пришел колдун. – Сказала Оля. – Он заберет у нас маму и унесет в свою пещеру.

- Не бойся, - сказал Ясик. – Ведь мы вместе. А тем, кто вместе, ничего не страшно.

Но Оля продолжала плакать. Внезапно в коридоре мигнула свеча и в спальню вошла мама.

- Там кто-то так стучит! - растерянно сказала она. – А телефон сломался, даже в милицию не позвонить. Не знаю, что делать?

У Ясика глубоко и часто застучало сердце. Так у него уже бывало: однажды, когда он возвращался домой, к нему подошли двое, требуя отдать мобильный

телефон. В другой раз, когда он по пути к бабушке на одной из станций побежал за мороженым, и отстал от поезда.

В те разы он как-то справился с испугом, и все в итоге закончилось хорошо. Справится и сейчас.

- Ты, Олюша, спи, - сказала мама. – А мы с Ясиком узнаем, что случилось, и вернемся.

Она поцеловала Олю и передала свечу сыну. Они вышли в коридор. Удары были частыми и сильными, деревянная дверь дрожала, словно и ей было страшно.

- Мама, поддержи!

Ясик отдал застывшей маме свечу, а сам побежал на кухню за ножом. Его не оставляла надежда на то, что случилась какая-то ошибка. Или кто-то так шутит. Но с ножом в руке будет как-то спокойней.

Зажав в руке нож и жалея, что в доме больше нет никакого оружия, Ясик выскочил в коридор.

Мама в ночной сорочке стояла у двери, вытянув перед собой руку, в которой подслеповато мигала свечной огарок.

- Кто вам нужен? – тихо говорила она. – Я сейчас милицию вызову. Слышите, прекратите хулиганить.

За дверью раздался грубый смех и густой, пропитанный табачным хрипом, голосина внятно произнес:

- Да хоть полицию! Нам-то што – у нас все законно!

В дверь снова забарабанили. Создавалось такое впечатление, что по двери бьют ногами.

- Ну что же вы делаете? У меня маленькие дети!

За дверью на мгновение примолкли.

- Ну? И што, што дети? – произнес все тот же густой, рокочущий голос. – У меня тоже ребятишки мал мала меньше – целых трое!

- Открой, контра недобитая! – закричал тоненько кто-то. - Швыдко запор скидывай, у нас мандат на адрес!

- Какой еще адрес?

- Вознесенский восемнадцать, номер квартиры сама знаешь...Открывай, а то дверь вынесем!

И они вновь застучали по двери чем-то тяжелым.

Мама повернула заплаканное лицо к Ясику.

- Что делать?

Впервые в жизни мама обратилась к нему за советом. И двенадцатилетний мальчик внезапно ощутил, как это тяжело – принимать решение.

Мысли проносились в мозгу световыми вспышками, подгоняемые ударами по деревянной филенке. Внезапно дверь затрещала. На лестнице злобно ругались матом.

- Мама, открой! – твердо произнес Ясик.

Он крепко сжимал рукоятку ножа в ладони и смотрел ей в глаза.

- Они все равно не уйдут.

Он вдруг понял, что сейчас случится то, от чего будет зависеть вся их дальнейшая жизнь. Избежать этого не было никакой возможности.

Глава 4. Ночной визит

Мама щелкнула ключом. Дверь отворилась. В коридор вошли трое: темные, грязные, небритые Мужчины чем-то были похожи на бомжей, такие же неряшливые и какие-то замызганные.

Первый был в коротковатой кожаной куртке, два ремня ручейками сбегали по груди к широкому поясу, на котором, втиснутый в деревянную кобуру, болтался громадный маузер.

- У вас, гражданочка, окна на Вознесенский выходят? – он строго посмотрел на маму.

- На Вознесенский, – испуганно прошептала мама, пряча за спиной тихонько всхлипывающую Ольгу. – А что вам надо? Кто вы такие?

- Вам непонятно? – властно процедил мужчина. – Сейчас узнаете!

Он повернулся к раскрытой двери и скомандовал.

- Пospelов, занимай позицию у окна! Грабняк, обыскать жилище! Только гляди у меня, без фокусов!

Невысокий, коренастый мужчина в мятой бескозырке, черном матросском бушлате и в широченных клешах коротко хохотнул.

- Ну, что вы, товарищ комиссар, какие фокусы? У вас же на боку пушка! ...

Последним шел худощавый мужчина в рваной солдатской шинели и меховой шапке, заломленной набекрень. Грязноватую мерлушку спереди пересекала скомканная жгутом красная ленточка. Мужчина строго оглядел перепуганные лица детей и, увидев Ясика, выглядывающего из-за маминой спины, улыбнулся.

- Ну-ка, пацаненок, подсоби!

- Стой! – сказала мама, хватая Ясика за рукав.

- Да я только помогу...

- Стой, я тебе сказала.

Ясик замер в нерешительности.

Мужчина в кожаной куртке резко развернулся.

- Препятствуете исполнению приказов народной власти? – он сжал худые, покрытые розовыми болячками губы. – Да вы знаете, что за это бывает? – он повернулся к солдату. – Пospelов, взять гражданку под арест!

Мама сделала шаг назад, вытянула перед собой руки.

- Да как вы смеете? Ворвались в квартиру среди ночи, раскомандовались, детей побудили! Я вот сейчас вызову милицию, пусть они с вами разбираются.

Она направилась было в комнату, но мужчина в кожанке перегородил ей дорогу.

- Ни с места! Слушать сюда! - он сунул руку в карман куртки - кожа спело хрустнула – и достал сложенный вдвое листок. – Предъявитель сего мандата комиссар Кургузов В.Ф является уполномоченным народной власти и имеет право на проведение обысков, задержаний, арестов и прочих процессуальных действий вплоть до расстрелов на месте без проведения суда и следствий. Любое препятствование осуществлению его деятельности расценивается, как саботаж и в случае необходимости карается смертью, - он аккуратно сложил бумагу и, прищурившись, с довольным видом посмотрел на маму. – Теперь-то вам ясно?

Мама решительно покачала головой.

- Вам еще не надоел этот спектакль? Вы что, решили в войну поиграть? Как вам не стыдно?

Она что-то еще хотела сказать, но Ясик, видя, что лицо комиссара наливается багровой краской, решительно потянул ее за рукав.

- Мама...Оля в туалет хочет...

Мама умокла и, подхватив Олю на руки, пошла в уборную. Кургузов злобно смотрел ей вслед. Когда дверь туалета закрылась, он повернулся и махнул рукой.

- Давай, Пospelов! А с этой «контрой» в ночной сорочке мы после побалакаем.

Мужчина в шинели наклонился и, уцепившись ладонью за металлическую дугу, втащил в коридор какой-то громоздкий прибор, похожий на самовар на колесиках.

- Тебя, паря, как звать-то? – спросил солдат, выпрямившись.

- Ясик. Ярослав...

- Ярослав? – солдат посмотрел на комиссара, рыскающего взглядом по едва освещенному коридору. – Русский, значит... – он улыбнулся. – А я-то думал, мусью какие-то. Или германцы... Больно мамка у тебя непонятливая...- он шагнул к Ясику. – Ты, братишка, скажи – какие окна выходят на проспект?

Ясек поднял глаза на солдата.

- Вы имеете в виду, Вознесенский?

- Он самый! – кивнул солдат.

- А вот здесь.

Солдат приоткрыл дверь, просунул голову, и аж присвистнул от удивления.

- Вот это убранство! Как в Таврическом!

Комиссар и матрос сунулись следом. Они толпились у двери, восхищенно озирая комнату.

Глядя на их лица, Ясик никак не мог понять, что же их так удивило?

Телевизор? Или деревянный раздвижной стол, стоящий посреди комнаты?

Или угловой диван из «ИКЕА», с притулившимся к нему маленьким стеклянным столиком? Или картины на стенах? Но ведь это обыкновенные картины. На одной была запечатлена Дворцовая площадь с монументальной гранитной колонной посередине, на другой Александровский сад осенью, а на третьей, которая Ясику нравилась больше всего, синела просторная Нева с бегущим куда-то корабликом. Река была ярко-густая, какая бывает только летом, над кораблем трепетали белые паруса, а на палубе стояли люди – такие же веселые и бодрые, как и все на этой картине. Или может быть, непрошенных гостей удивили вазы из цветного стекла, которые мама собирала не первый год?

Вазы были разные: высокие, маленькие, из толстого и тонкого стекла, наклоненные, как Пизанская башня, в форме капли, тюльпана, ваза, выполненная в виде раскрытых ладоней; были здесь вазы длинные и темные, как фабричные трубы, низкие и широкие, как рыбацьи лодки.

Так ничего и не поняв, Ясик сделал приглашающий жест.

- Да вы входите! Вон в том окне Вознесенский весь как на ладони...

Солдат наклонился, ткнул пальцем в «самовар» и попросил Ясика.

- Ты сзади подними, а я передок катну... Ох и тяжелый, зараза! Чем эти англичанки думают?

Ясик наклонился и незаметно сунул нож под батарею. После этого схватился обеими руками за железную рукоятку, прищпандоренную к литому каркасу, и потащил ее следом за солдатом.

«А ведь это пулемет!» – вдруг догадался Ясик. Нечто подобное он видел в Артиллерийском музее, куда они иногда ходили вместе с папой. Да и в одной из компьютерных игр, помнится, он валил из такого виртуальных врагов.

- А это пулемет? – не удержался от вопроса Ясик.

- «Максим», братишка, он самый. – Подтвердил Пospelов. – А ты что, такую штукловину уже видел?

Они вместе дотащили пулемет до подоконника.

- В музее. «И в кино», —сказал Ясик.

Пospelов задумчиво разглядывал оконную фрамугу.

- В музее? – Пospelов провел пальцем по оконной защелке, подергал ее. – А где ж такие музеи? С пулеметами? – он повернулся к Ясику. – А как эту хреновину открывать?

Ясик протянул руку, нажал ручку вниз, потом резко потащил на себя.

Пospelов восхищенно зацокал языком.

- Надо же, чего только эти буржуи не придумают! Ну-ка, давай мы его сюда подтащим...

Пока Ясик и Пospelов устанавливали пулемет на подоконнике, комиссар топтался перед дверцей холодильника, разглядывая «магниты» с видами городов.

Тем временем матрос, крадучись, пошел вглубь коридора и скрылся в родительской комнате.

- Товарищ Кургузов, вы поглядите, как тут хитро окно зачиняется...- позвал его солдат.

Комиссар подошел к окну.

- Глянь, целая наука...

Пospelов ухватился за ручку и стал ее крутить вверх-вниз.

- Тут, я тебе скажу, настоящий слесарь работал! Высшей квалификации слесарь...

Комиссар смотрел на манипуляции Пospelова и молчал. Видя, что солдат никак не может закрыть окно, Ясик пришел ему на помощь.

— Вот, показываю еще раз, - он нажал ручку вниз.

- Ага. – Засмеялся Пospelов. – Хитро. А дальше?

Ясик начал показывать. Но объяснить не успел: в комнату вбежал запыхавшийся матрос.

- Братва, - он вращал выпученными глазами и разевал рот, как выброшенная на берег рыба. - Да ведь это вертеп! Миллионщики!

В руках матрос держал металлическую коробочку, в которой мама хранила свои украшения.

- Тут драгоценностей, как в музее. Я такого еще нигде ни видел.

Он распахнул коробочку и высыпал содержимое на стол.

- Во, глядите!

Мужчины, подойдя ближе, внимательно изучали горку, сложенную из пластмассовых бус, браслетов, ниточек жемчуга, парочки обручальных колец и двух перстней – с агатом и аквамарином, любимыми мамиными камнями.

- Тут без ЧК не разобраться...- пробормотал Кургузов.

Он протянул руку, норовя выдернуть что-то из кучки.

- Не трожь! – тихо, но достаточно громко, произнес Ясик.

Рука комиссара замерла на полпути. Кургузов повернул голову и испуганно посмотрел на Ясика.

- Что там? Серебро?

- Яд...- почему брякнул Ясик.

Зачем он это сказал, он и сам не понял. Но он почему-то понял, что остановить непрошенных гостей может только страх. И чем больше они испугаются, тем легче с ними будет разговаривать.

Глаза комиссара жидко заколыхались на лице, словно желтки недожаренной «глазуньи».

- А мы чё, будем на вкус их пробовать! – засмеялся матрос, пожирая глазами украшения.

- Яд может попасть в кожу, а оттуда в кровь...

О таком способе отравления Ясик читал в энциклопедии загадочных убийств.

Таким образом один индийский раджа спас свои сокровища от похищения.

Почему Ясику пришло это в голову сейчас, он не знал. Может, стало жалко маминых украшений. А может, захотелось немного пофантазировать.

Матрос переглянулся с комиссаром.

- А ты, брат, не заливаешь?

Ясик покачал головой.

- Нет, конечно. Я сам помогал опылять их ядом.

- А шо за яд? – поинтересовался матрос.

- Кураре. – Сказал Ясик. – Сок южноамериканского растения.

Поспелов уже установил пулемет на подоконнике и теперь рассматривал створ Вознесенского проспекта сквозь узкую щель пулеметного прицела.

- Товарищ комиссар, погляньте, - он постучал ладонью по железному щитку, - все на мази. Теперь пушай только попробуют сунуться...

Кургузов подошел к окну и рассеяно посмотрел в стекло.

- Отлично, Поспелов. – Он вернулся к столу, вокруг которого, метя пыль клешами, крутился матрос. – Так, Грабиняк, остаешься за старшего. –

Комиссар обернул руку грязноватым носовым платком, ссыпал туда украшения и накрыл коробочку железной крышкой.

- А куда это вы намылились? – матрос сделал упреждающий взмах рукой, но комиссар уже сунул громыхнувшую коробочку в бездонный карман кожаной тужурки.

- Куда-куда...- вскипел комиссар. – На Гороховую...В ЧК...

Матрос подскочил к нему.

- Я пойду с вами, – он услужливо осклабился. – А то вдруг вам по дороге поплохеет? Кто народное добро сдаст на хранение?

- А с чего это мне должно поплохеть? – комиссар покосился на Ясика. – Мальчик, а этот твой яд...- он похлопал себя по карману, - ... через железо не просочится?

Ясик хорошо запомнил слова Евгении Сергеевны, учительницы по литературе, которая руководила школьным театром. «Если забыл текст, хмыкай», – говорила она.

Ясик хмыкнул.

- Понял! – властно сказал комиссар. – То-то!

- А если на вас бандиты нападут? Или «контрики»? Что вы тогда делать будете? – он кружился вокруг комиссара, как шмель вокруг бочонка с медом. Как ни сопротивлялся Кургузов, против такого напора он не устоял.

- Ладно, - комиссар вздохнул. – Пошли вместе.

Грабиняк радостно потер руки. Комиссар подошел к Пospelову, который старательно начищал пулеметный ствол сухой тряпкой.

- Ты следи тут, Пospelов! Никого не выпускай...

Солдат растерянно посмотрел на комиссара.

- А если...- он вздохнул, - эти пойдут? – он ткнул в окно заскоружеными пальцами.

- Коли пойдут, стреляй! А мы, - он посмотрел на Грабиняка, - мигом обернемся! Одна нога тут, другая там...Так что, жди...

Хрустя кожей, он вышел из комнаты. Грабиняк, путаясь в широченных клешах, побежал следом.

Входная дверь брякнула.

Как только они вышли, Пospelов перегнулся через подоконник и уставился вниз, словно желая убедиться, куда они ушли. Увидев, как Кургузов и Грабиняк, бурно жестикулируя, метнулись к воротам, он подтянул стул, сел и

несколько раз зевнул с таким хрустом, что Ясику показалось, что у Пospelова выпадет не только челюсть, но и отвалится голова.

- В лавку пошли...К Либерману, - солдат улыбнулся, обнажая длинные желтые зубы.

- А кто такой Либерман?

Пospelов задрал полу шинели, достал из кармана матерчатый мешок, туго перевязанный тоненьким шнурком.

- Кто-кто...- он положил мешочек на стол и принялся развязывать горловину.

— Ювелир с Садовой...Думают, Пospelов дурачок. — Он развязал мешочек и поднес его к носу. - А-ахах! — втянув в себя воздух, он смачно чихнул. — Ох, и крепкий самосад...Паря, а у вас тут бумажки не найдется? Может, книга какая. Или журнал...А то так курить хочется, что аж бельма на лоб лезут...

Ясик молча прошел на кухню, достал из стола пачку бумаги и протянул Пospelову.

- Ого! — радостно фыркнул Пospelов. — Це вещь...

Ясик с любопытством наблюдал, как Пospelов из бумажного листа скручивает папиросу, щедро запихивая внутрь коричневатый табачный ворс.

- Товарищ Пospelов, - Ясик услышал, что мама и Оля уже вышли из туалета и пошли в ванную. — А какой сегодня день?

Пospelов наслюнявил бумажную скрутку и сунул ее в рот.

- С утра пятнадцатое было...Пятнадцатое октября...- он обвел взглядом кухню. — Паря, у вас тут огоньку не найдется?

Ясик взял с газовой плиты коробку, вынул спичку и чиркнул по коричневому боку.

- А год?

Пospelов, удивленно разглядывая горящую спичку, втянул в себя сизоватый клочок дыма и тут же его выпустил.

- Тысяча девятьсот девятнадцатый...А шо?

Ясик, широко раскрыв глаза, смотрел на Пospelова. Он до сих пор не верил, что так может быть. Но так было.

И Ясик не знал, что ему делать. Точнее, чего ему не делать.

Глава 5. Ранение

Пospelов, развалившись на стуле и втягивая в себя дым, сосредоточенно разглядывал спичечный коробок.

- Надо же, справная шкатулочка! – он приложил коробку к уху и пару раз ее потрянул.

- Заграничная?

- Почему заграничная? – пожал плечами Ясик. - Наша, новгородская...

Мама остановилась в дверь и недовольно уставилась на курящего Пospelова. Она даже папе не разрешала курить в квартире. Когда он хотел «пустить в зубы дым» (так он это называл), то выходил на лестничную площадку. А сейчас посреди ее квартиры сидел незнакомый человек и без всякого стеснения курил вонючую самокрутку.

- Это черт знает что такое! – сказала мама и направилась к телефону.

Ее пальцы стремительно бегали по кнопкам. Пospelов с ухмылкой следил за ее потугами.

- А вот черта, хозяйюшка, при нас поминать не надо. Чертей больше нет - их народная власть отменила.

Мама бросила гневный взгляд на развалившегося Пospelова, приложила трубку к уху, выругалась, и снова забила пальцами по кнопкам.

- Да что ж такое, почему телефон не работает? – она в растерянности смотрела то на Ясика, то на Олю.

Ясик подошел к маме и взял ее за руку.

- Пойдем, я должен тебе что-то сказать...- шепнул он.

Поспелов с ухмылкой смотрел им вслед, продолжая курить. Сизый, слоистый дым плавал под потолком.

Они вошли в соседнюю комнату, Ясик плотно прикрыл дверь за собой.

- Мы сейчас оденемся и пойдем в милицию, – сказал мама.

Она подошла к платяному шкафу, открыла створку и стала перебирать одежду, висящую плотными рядами.

- Мама, Оля, - Ясик внимательно прислушивался к тому, что происходит в соседней комнате. – Сядьте, я вам кое-то объясняю.

- Что ты нам объяснишь? – мама повернулась, и посмотрела ему в глаза. – Ты что-то знаешь?

- Знаю, – кивнул Ясик. – Садитесь.

Оля мигом забралась с ногами на диван, мама нехотя опустилась рядом.

- Я не знаю, как это произошло, но... мы попали...мы попали... в прошлое. – Ясик старательно подбирал слова. Он не хотел пугать маму и сестру понапрасну. – И теперь нам надо понять, как это случилось, чтобы вернуться обратно...

Оля, широко раскрыв глаза, смотрела на Ясика.

- Яська, а кто эти люди? Ну тот, дядька в шинели...И другие...

- Революционный солдат...И революционный матрос...А главный среди них – комиссар Кургузов!

Он умолк, прислушиваясь к шуму, доносящемуся из кухни – ему показалось, что Поспелов с кем-то переругивается.

- Ты, конечно, это здорово придумал, - засмеялась мама. – Извини, но, по моему, это выдумки. – Мама поднялась. – Сам подумай, как это может быть? У нас есть машина времени? Или мы жертвы андронного коллайдера? А? – она рассмеялась. – Яська, этого не может быть, потому что это противоречит законам физики!

Мама подошла к шкафу, сунула руку внутрь, с грохотом сдвинула ряд вешалок.

- А я думаю, что это правда...- зашептала Оля. – Это колдун наколдовал...

- Какой колдун? – не понял Ясик.

- Ну, продавец из магазина... У которого был еще такой колпак со звездочками...

- Дети, прекратите фантазировать! – сделала еще одну попытку мама. – Выдумываете всякую ерунду. Простых хулиганов с революционерами путаете...

— Это не ерунда, мама, - сказал Ясик, прислушиваясь к шагам за дверью. – Мне Пospelов сказал – сегодня 15 октября... 1919 года.

Он затих. В дверь постучали. Мама смотрела на Ясика не понимающим взглядом.

- Хозяюшка, у вас йоду не будет? – раздался голос за дверью.

Мама посмотрела на дверь, потом на сына. Она не успела ответить, как Ясик встал и подошел к двери.

Пospelов, подняв правую руку кверху, топтался на пороге. Он держал себя за запястье, пальцы правой руки пересекала кровавая полоса. Он с удивлением смотрел то на маму, то на струйку, стекающую по ладони.

- Что с вами? – бросилась к нему мама.

- Да вот, хотел посмотреть, что у вас за штуковина на кухне висит, провел пальцами, и порезался...- солдат согнул пальцы, пытаясь остановить бегущую кровь. – Мне бы тряпицу какую... Или корпию...

- Зачем корпию? – мама внимательно осмотрела порез. – Ясик, принеси, пожалуйста, зеленку и бинт...

Ясик побежал на кухню, открыл дверцу буфета и достал железную коробку с красным крестиком на крышке. Бинт был, а вот зеленки найти не удалось.

Зеленка в их доме кончалась быстро: мама частенько смазывала коленки то Ясику, то Оле – они были непоседливыми ребятами.

Выходя, он обратил внимание на то, что вентиляционная решетка над газовой плитой выдвинута, а нижний край, острый как бритва, испачкан кровью. Судя

по всему, Пospelов для чего-то выдвинул решетку, и нечаянно провел по нижнему краю пальцами. И не удивительно, что порезался – мама тоже как-то порезала себе руку, наткнувшись на эту решетку.

Пospelов все так же стоял в коридоре с поднятой кверху рукой и с интересом наблюдал, как по ладони стекает кровь. Мама бегала вокруг, давая ему советы: «Поднимите руку», «Переверните ладонь», на что солдат никак не реагировал. Наверное, ему нравилось смотреть, как бежит кровь.

- Давайте руку, - мама разорвала упаковку с бинтом, сложила марлевую ленту квадратиком. – Давай зеленку.

- А зеленки нет.

- Ты хорошо посмотрел?

- Точно нету.

Мама передала бинт Ясику.

- Тогда я мигом, у нас на Казанской аптека.

Она накинула пуховик, и пошла было к двери. Пospelов преградил ей путь.

- Назад! - сказал он, протягивая руку к винтовке. – Выпускать не велено...

- Да вы с ума сошли! – вскинулась мама. – Как это не велено? Это же терроризм какой-то! – она беспомощно оглянулась по сторонам. – Мы же для вас стараемся, – у мамы задрожали губы. – Тогда хоть мальчика пустите!

Пospelов уткнул винтовку прикладом в пол, посмотрел на окровавленную ладонь, перевел взгляд на Ясика.

- Бежи, хлопчик! Только смотри, не вздумай тикать. Споймаем, хуже будет...

Глава 6. На улице

Холодный ветер гнал по небу низкие облака. Ясик, натянув на уши шапку, выскочил из подворотни и от неожиданности замер: он не узнал ни улицу, ни дом на противоположной стороне, ни синий асфальт Вознесенского – все пространство между тротуарами было замощено мелким темно-серым

булыжником. Даже подворотня, по которой он ежедневно бегал в школу, казалась и уже, и грязней, словно вместо широкого прямоугольного проема теперь вход во двор пролегал сквозь забитый мусором тоннель. Дома, выкрашены бледно-сиреневой краской, казались приземистыми и осевшими, круглые, деревянные тумбы, стоящие на уличных перекрестках, напоминали слоновьи ноги. Замызганные квадраты витрин были крест-накрест зашиты досками, на них трепетали клочки объявлений.

Ясик свернул налево и побежал в сторону Казанской, удивляясь пустоте и безлюдности вокруг. Город как будто вымер, и эта пустынная гладь проспекта удручала еще больше, чем заколоченные витрины и черные оскалы подворотен. Хотя металлические таблички на фасадах с названием проспекта и номерами домов не давали забыть, что он находится на Вознесенском проспекте, Ясику казалось, что этот город - чужой, недобрый, таящий в своих каменных лабиринтах скрытую угрозу.

Через пару минут он остановился перед домом, на первом этаже которого еще вчера располагалась аптека. Но никакой аптеки здесь теперь не было, даже парадный вход располагался не там, где обычно, а где-то сбоку.

Ясик оглянулся и увидел неподалеку круглую деревянную тумбу, густо облепленную газетами. У тумбы стояли двое: молодой мужчина в шинели со следами от споротых погон и пожилая, закутанная в коричневый платок женщина.

- Дяденька, а где здесь аптека? – спросил Ясик у мужчины в шинели.

Тот неспешно повернул к нему узкое лицо, смерил оценивающим взглядом.

- Ты чё, нездешний?

- Почему нездешний? – Ясик ткнул пальцем в сторону проспекта, по которому промелькнула запряженная лошадьми пролетка. – С Вознесенского я, из восемнадцатого дома...

- И не знаешь, где аптека?

Ясик пожал плечами.

- А почему мне знать?

Мужчина внезапно замолчал и сунул руки в карманы. По Казанской со стороны Невского катил грузовичок. Ясик едва не зарыдал от смеха – это был настоящий драндулет. Крохотная открытая кабина, обшитая досками, едва вмещала двоих. Там и сидели двое: шофер в кожаном шлеме и длинном кожаном пальто и молодой, чернявый мужчина с бородкой клинышком. Сразу за кабиной начиналась открытая деревянная площадка, огороженная низкими бортами – кузов. На площадке, держась за деревянную перекладину, прибитую к борту, стояли несколько солдат. Они сжимали в руках винтовки с узкими трехгранными штыками. У самой кабины, гордо вскинув голову, стоял молоденький парнишка в распахнутой на груди тужурке. Он сжимал в руке древко, на котором трепыхалась грязная, багровая тряпица, на ней белой краской кто-то нарисовал туго стиснутый кулак.

Машина ехала со скоростью катафалка. Ясик успел разглядеть серые, измученные лица солдат и небритое, украшенное крупным хрящевитым носом лицо сидящего рядом с шофером мужчины. Солдаты внимательно смотрели перед собой, словно пытаясь разглядеть зарю близкого будущего, а носатый мужчина с хищным видом озирался по сторонам, как будто что-то выискивая. Приблизившись к тумбе, у которой стоял Ясик, грузовик замедлил ход. Перед Ясиком словно в замедленной съемке проплыло сосредоточенное лицо шофера, загнутый крючком нос сидящего рядом пассажира и его цепкие, горящие влажным блеском темные глаза. По Ясику он едва скользнул взглядом и тут же уставился на мужчину в шинели со следами споротых погон. Ясик физически почувствовал, как напрягся, напружинился его сосед, лицо его побледнело, на лбу выступила испарина.

Грузовик покатил дальше. Женщина, закутанная в платок, посмотрела ему вслед и выругалась.

— Вот вурдалаки, опять на обыск поехали. Чтоб вам пусто было! Никак кровушкой не упиться!

Она сплюнула на тротуар и бодро засемила в сторону Садовой.

- Так где вы сказали, аптека? – Ясик прикоснулся к оцепенело застывшему мужчине.

Тот вздрогнул от неожиданности.

- Фу, дьявол, напугал! – мужчина недовольно посмотрел на Ясика. – На Гороховой твоя аптека. Прямо на углу...

Он повернулся и, часто оглядываясь, быстро пошел по Столярному.

Глава 7. Добрый аптекарь

Выскочив на Гороховую, Ясик вспомнил, что эта аптека, расположенная на втором этаже доходного дома, существует и поныне – они как-то даже заходили туда с мамой. А когда Ясик вбежал на второй этаж и открыл дверь, то понял: с тех пор здесь немного изменилось. Те же прилавки из красного дерева, высокие, до потолка, шкафы с застекленными дверцами, на полках банки с извивающимися пиявками, стеклянные шкафчики с батареей пузырьков и бутылочек. Даже запах был похожим – мяты и дезинфицирующего раствора.

Полноватый аптекарь в белом, накрахмаленном халате, мгновенно вырос из-под прилавка.

- Что вам угодно...э-э-эх, – он на мгновение запнулся, – ...гражданин...?

Ясик внимательно оглядел прилавок.

- Скажите, а у вас есть...зеленка?

Фармацевт внимательно осмотрел Ясика и улыбнулся.

- Что вы сказали, молодой человек? Зеленка-с?

- Да зеленка, – кивнул Ясик. – Мне нужна зеленка.

Аптекарь покачал головой.

- Боюсь, что не смогу быть вам полезным – у нас нет такого средства. Более того, я никогда с таким и не сталкивался. Потрудитесь объяснить – у вас заболевание какого рода?

Неужели зеленка еще не изобретена? Ясику казалось, что она была всегда. Во всяком случае, когда они приезжали на каникулы к бабушке, она всегда смазывала ушибы и ссадины зеленкой. А ведь бабушка родилась, как полагал Ясик, давным-давно, едва ли не при царе Горохе.

- Палец порезал.

Аптекарь наклонился и вынул из-под прилавка склянку с каким-то порошком. Широкое горло склянки покрывал крохотный бумажный «абажур».

— Вот, для быстрого заживления - раствор сулемы... Разведете в пропорции один к трем, обработаете рану, после чего наложите повязку. Ясик кивнул.

- Ага, подойдет. Давайте!

Аптекарь вынул из-под прилавка бумажный пакет.

- Пожалуйста. С вас восемь рублей.

«А ведь у них, наверное, деньги другие?» - мелькнуло у него в голове. Он попытался вспомнить, какие именно, но ничего подходящего вспомнить не мог. Может, керенки? Или все же царские рубли?

А, была – не была.

Он наскреб на дне куртки все, что у него было: пятирублевую и две двухрублевые монеты, положил их на прилавок. Сжал пузырек двумя пальцами и аккуратно засунул склянку в карман.

— Это что за монеты? Зачем? – аптекарь взял в руки деньги, поднес к глазам, внимательно осмотрел сквозь пенсне. – Я такие, пожалуй, и не видел. Хотя герб российский... – Он положил деньги на прилавок и испуганно уставился на Ясика. – Милстивсударь, я такие деньги не принимаю. Это, что ж... колчаковские?

- Никакие ни колчаковские! – мотнул головой Ясик. – Это наши, российские... Из будущей России...

Аптекарь вышел из-за прилавка, взял его за плечо.

- Тогда верните лекарство. – Он заметно рассердился. – Какие-то поддельные пятаки подсовываете... Будущая Россия? – он покачал головой. – Где она? – аптекарь нахмурился, - а меня потом большевики из-за вас, как фальшивомонетчика... к стенке поставят.

- Но мне нужно лекарство. – Взмолился Ясик. – Честное слово, я из другого времени, у меня нет других денег. Может, я вам потом занесу?

Аптекарь протянул руку и больно ухватил его за ухо.

- Когда? Через год? - он повел Ясика к двери, приговаривая на ходу. – Что-то много вас развелось, пришельцев! Все, понимаешь, из другого времени! А мне, извините, сулему из Гельгинфорса везут, жизнью рискуют! На всех не напасешься.

Он вел его вниз по лестнице, ухо горело и Ясику казалось даже, что оно потрескивает.

- Но я, в самом деле, из другого времени.

Аптекарь распахнул дверь и, мягко толкнув его в спину, выставил на улицу. Вслед погрозил кулаком.

- В следующий раз придумайте что-нибудь позаковыристей.

Ясику было обидно – выходит, он вернется домой с пустыми руками.

- Дяденька аптекарь, я из 2015 года, у нас в квартире солдаты стоят, а один из них порезал себе палец... - всхлипнул он. - А мы не знаем, что делать, ведь у нас все по-другому – и машины, и фонари, и лекарства... Честное слово, я не вру...

Он так и не понял, услышал ли его аптекарь. Дверь распахнулась и силой захлопнулась. Ясик стоял посреди улицы и плакал. Надо было возвращаться домой. И стоило ли тогда ходить? Ясик развернулся и медленно побрел по улице. От слез щипало глаза.

Он не успел пройти и десяти метров, как услышал за спиной шаги. Ясик обернулся.

Это был аптекарь.

- погоди! Пстой, – аптекарь тяжело дышал, но при этом улыбался. – На... вот... Возьми ...- он протянул руку и протянул ему склянку с лекарством.

- Спасибо большое!

Ясик зажал ее в руке и поспешно засунул ее в карман. Аптекарь, улыбаясь, быстро провел пальцем по ткани куртки.

- Я так понимаю, материальчик тоже оттуда? – он насмешливо глянул на Ясика.

- Оттуда! – охотно объяснил Ясик. - Флазелин, называется.

- Как-как?

- Фла-зе – лин, – по слогам повторил Ясик. – Влагу не пропускает, а теплый, не хуже шубы...

При воспоминании о шубе в его голове промелькнула какая-то мысль. И тут же исчезла.

Аптекарь покачал головой.

- Быть тебе, дружок, Жюлем Верном.... А то и господином Уэллсом...

Складно фантазируешь...

Он повернулся и, приложив ладонь к сердцу, медленно побрел по улице.

- Благодарю покорно! – выкрикнул Ясик вдогонку.

Аптекарь оглянулся.

- А как называется город, в котором вы живете?

- Санкт-Петербург! – сообщил Ясик.

Аптекарь удовлетворенно хмыкнул.

— Значит, все-таки, вы из России?

- Конечно. Страна – Россия, столица - Москва...

Аптекарь нахмурился.

- А вот это нехорошо. Как говорится, ври-ври, да не завирайся. Какая, брат, из Москвы столица? Так, одно название ...

Аптекарь на прощанье махнул рукой и скрылся в дверях парадной.

Глава 8. Бежать без оглядки.

Домофон не работал, дверь подъезда была распахнута настежь. По лестнице бежали вверх-вниз какие-то люди, неся в руках стулья, подушки, туго набитые узлы.

- А кто у нас переезжает? – спросил Ясик у молодого мужчины с синяком под глазом.

Тот бросил на него взгляд, об который можно было заточить нож, перекинул узел, схваченный поверху серым жгутом, на другую руку.

- Ты в какой квартире живешь?

- В девятнадцатой.

- Ну, так и вали колбаской по Малой Спасской, пока по шее не схлопотал!

Отодвинув его плечом, он быстро побежал по лестнице.

- Чего-й там, Семен? – навстречу поднимался краснолицый мужчина в рубахе навывпуск.

- Да дите ненужные вопросы задает!

- Ну, и ответил бы ему по - нашенски! В ротовую полость! – хохотнул краснолицый.

Ясик стрелой рванул вверх, чтобы краснолицый его не догнал. На лестничной клетке четвертого этажа двери одной из квартир были распахнуты. В сумраке коридора кто-то плакал.

- Куда же вы тащите? – тихонько подвывал женский голос. – Что ж я хозяевам скажу?

- Да заткнись ты! – ласково отвечали ей. – Не придут уже твои хозяева, никогда не придут...

- Как это не придут? – всхлипнул все тот же голос. – Как это они домой не придут?

- У них теперь в другом месте дом, поняла? Оттуда не возвращаются! А будешь реветь, так мы и тебя туда спровадим.

Девушка всхлипнула и замолчала. Ясик побежал дальше.

Очутившись перед своей дверью, он забарабанил кулаками по деревянной филенке.

- Кто там? – раздался мамин голос.

— Это я, Ясик!

Замок щелкнул и Ясик с разбегу попал маме в объятия. Пospelов, держа винтовку в левой руке, стоял посреди коридора, исподлобья глядя на Ясика.

Мама поцеловала его в щеку.

- Я вся переволновалась. – Она погладила его по голове. - Ну? Принес?

Пospelов потряс правой рукой, завязанной чистой тряпицей и улыбнулся.

- Я уже решил было, что ты убег.

Ясик отдал маме склянку с порошком.

— Вот сулема...

- А как пользоваться, спросил? – Пospelов приставил винтовку к стенке и подошел к ним.

- Пойдемте, расскажу...

Они зашли на кухню. Первой шла мама, за ней Ясик, последним Пospelов.

Винтовку он оставил в коридоре, и Ясик с опаской оглянулся, выискивая взглядом Олю. Мало ли что, вдруг захочет поиграть?

- Она спит. – Шепотом сообщила мама, помогая Пospelову снять окровавленную повязку с руки.

- Больно...ох...больно - приговаривал Пospelов, пока мама аккуратно и терпеливо скатывала рулоном пропитанную кровью тряпицу.

Солдат внимательно осмотрел порез, встряхнул рукой – гроздь рубиновых капель посыпалась на пол. Мама поморщилась.

- Вы поаккуратней...

- Понимаешь, я два года на фронте был, и ни разу ни ранило, - Пospelов поднял руку кверху и стоял так, глядя как Ясик наливает в миску воду и растворяет в ней сулему.

Мама не успела обработать рану, как в дверь постучали. Мама было некогда: окунув в раствор чистую тряпицу, она отжала ее и поднесла к идеально ровной багровой полосе на пальцах.

- Открой! – попросил солдат Ясика. – А то они дверь высадят. С них станется. Ясик подошел к двери.

- Кто там?

- Открывай, едрит твою корень! Мы это... Комиссар Кургузов.

Ясик щелкнул замком. Кургузов и Грабиняк, дыша в лицо густым запахом спиртного, ввалились в коридор. Кургузов держал в руке маузер, кожанка на груди была распахнута, оттуда выглядывали черно-белые полоски морской тельняшки.

- Где Пospelый?

Он перебросил маузер из левой руки в правую, прислонился к стене. По бледному, небритому лицу блуждала счастливая улыбка. Грабиняк, пошатываясь, топтался рядом.

- Товарищ комиссар, надо в квартире напротив обыск сделать. Ты там дверь видел – резная, дубовая! Сразу видно, хозяйева, что надо...Зажиточные...

- Сделаем, матрос, обязательно сделаем...Пospelый! – заорал Кургузов на всю квартиру. – Бегом сюда!

Солдат, прижимая перевязанную руку к животу, выскочил в коридор.

- Как положение? Контра не буянила? – он посмотрел на солдата мутным взглядом.

- Да все в порядке. Что в городе?

Кургузов усмехнулся.

- Да наш город, наш...- он внезапно наклонился к Пospelову. – Бегают всякие ...с душеулавливателями...Но толку? – он ударил себя рукой в грудь. – Всех не переловишь...А что у тебя с рукой? – совершенно трезвым голосом спросил Кургузов, разглядывая повязку, уже пропитавшуюся кровью.

- Да порезался...

- Вижу, что порезался, - Кургузов схватил своей клешней руку Пospelова. – Пойдем, комиссар сам глянет...

Солдат покорно поплелся за комиссаром. У дверей ванны окончательно протрезвевший Кургузов потребовал, чтобы Ясик принес воды.

- Так вода - в кране...

Кургузов открыл кран. И хромированного носика вырвалось шипение.

Пусто...

- А у нас вода, по-моему, в чайнике осталась...

Ясик побежал за водой. Мама, стоя на кухне, с ненавистью глядела в спину Грабиняка, который рылся в холодильнике.

- Да у вас тут цельный склад – и колбаса, и мяско, и яблочки...

У мамы был такой взгляд, что Ясик испугался, как бы она не ударила матроса по голове.

- Как называется такой шкапчик?

Грабиняк вонзил зубы в яблочный бок, постучал по дверце холодильника костяшками пальцев.

- Холодильник. – нехотя процедила мама.

Судя по всему, он до сих пор не верила, что они попали в прошлое.

– А то вы не знаете?

- Хладильник? – задумался матрос. – Где уж нам знать? Такого на флоте не держат. Ледник – это да, имеются...А хладильников нету...Буржуйская вещица...

- Что здесь буржуйского? – не выдержала мама. – Холодильник есть у каждой семьи.

Ясик, глядя на маму, прижал палец к губам – дескать, не спорь.

Подойдя к двери ванной, он вдруг услышал необычные звуки. Как будто кто-то втягивал в себя горячую жидкость. Они там кипятки, что ли, пьют?

Он тихонько приоткрыл дверь. И застыл от неожиданности.

Поспелов стоял спиной к двери. Повязку он снял, повесил ее на бортик ванны. Кургузов, стоя на и коленях, по-собачьи слизывал кровь из алеющего пореза, и даже причмокивал от удовольствия губами.

Ясик остолбенел. Неужели, вампиры? Не в силах пошевелиться, он смотрел на то, как Кургузов, урча и пофыркивая, втягивает в себя кровь, сочащуюся из раны.

И только услышав в коридоре чьи-то шаги, стремительно прикрыл дверь, едва не выронив чайник. Он уже не понимал, что делать – бежать к маме? Но что может сделать мама? И куда им теперь? Ведь он был на улице и видел, что там негде укрыться!

И вдруг его осенило – нужно во что бы то ни стало найти продавца в звездчатом колпаке! Он – колдун! И пятилетняя Оля сразу это поняла. А они с мамой так этому и не поверили! Тем не менее, это он, проклятый колдун, то ли рассердившись на маму, то ли по какой-либо другой причине, забросил их в это ужасное время. Почему и зачем, они узнают потом. Если, конечно, сумеют вернуться. И им надо сделать все, чтобы это случилось.

- Пацан! – вдруг закричал Кургузов.

Ясик приоткрыл дверь – подобревший, развеселившийся комиссар обеими руками укладывал волосы перед зеркалом. Бледный, измученный Поспелов старательно прилаживал тряпицу на изрезанные пальцы.

- Где ты носишь? – Кургузов сбросил кожанку, вытянул руки. – Ну-ка, плесни водицы...

Он задрал рукава - темная густая шерсть, похожая на волчью, покрывала кисти до самых локтей и серым мхом уползала куда-то выше.

Кургузов спохватился, отвернул закатанные рукава, сделал ладони лодочкой, внимательно поглядев на Ясика: дескать, заметил? Или нет?

- Лей - не жалея. Сейчас вечерять будем...

Ясик поднес чайник к расставленным ладоням. Кургузов набрал воды в руки, плеснул себе в лицо, тщательно провел ладонями вверх-вниз.

- А что это за штуkenция такая - душеулавливатель? – Пospelов с удивлением смотрел в зеркало, где отражалось лицо комиссара. – Какая она? Как выглядит?

- А кто ж ее знает? – осклабился комиссар. - Слышал, что душу вытягивает... Вместе с жилами...

- И что? – Пospelов брезгливо дернулся.

- И все. Какую - в песок рассыпаемся...

- А-а, в песок... – протянул Пospelов. – Тогда понятно...

Он взял винтовку, клацнул затвором.

- Пусть только сунутся!

Кургузов, вытирая лицо чужим полотенцем, объявил, что у них сейчас будет получасовое совещание.

- Подождите в соседней комнате, - приказал комиссар. – Мы вас кликнем...

Пospelов, сжимая в руке винтовку, вышел в коридор, а комиссар и Грабиняк, уселись за стол и разложили карту.

Ясик с мамой пошли в комнату. Сестренка спала. Иногда лицо ее, размягченное сном, подергивалось, как будто кто-то невидимый встряхивал ее, словно бутылку с сиропом.

- Надо бежать! «Срочно!» —сказал Ясик.

Мама поправил на спящей Оле сбившееся одеяло, и повернулась к нему.

- Это невозможно... Нам надо дождаться папу.

- Папа не придет. – Ясик взял маму за руку. - Он остался в другом времени.

Мама потрепала сына по щеке, словно пытаясь разбудить его после слишком глубокого сна.

- Яська, ты говоришь глупости. Этого не может быть.

- Мама, мы находимся в Петербурге...Тьфу...В Петрограде 1919 года...В России идет гражданская война...

- Я тебя поздравляю, - сказала мама. – Наконец-то ты стал серьезно относиться к истории...

- Но я был на улице. – зашептал Ясик. – Ты не представляешь, это другой город, там нет ни людей, ни машин...- он умоляюще смотрел на маму. – Неужели ты не видишь, что это не люди? - он ткнул пальцем в дверь.

- Как? – мама сложила руки на груди. – А кто же они такие?

Ясик встал на цыпочки и прижался к маминому уху.

- Вампиры. Или оборотни, если угодно...

- Не может быть! – мама закрыла рот ладонью.

- Может! – сказал Ясик. – Я знаю, что нам делать. – Он ощутил в себе небывалый прилив сил. - Собирай Олю, возьми ключи от квартиры, через полчаса мы должны покинуть дом...

Глава 9. Душеулавливатель

Оля сидела на кровати и нехотя подставляла то руку, то ногу, на которые мама тщательно натягивал колготки и свитер.

- А мы пойдем на прогулку? – она широко зевнула.

- Да, мы сейчас оденемся и пойдем на прогулку, – подтвердил Ясик.

Он вынул из портфеля плеер, откинув заднюю крышку, сунул внутрь батарейку.

- Только не подведи!

Вдев наушник в ухо, щелкнул тумблером. В барабанную перепонку рокочущей волной ударилась мелодия «Хадоукина».

- Йес! – Ясик вскинул в воздух два пальца, сложенные буквой «V». – Все работает...

Зажав плейер в руке, он шагнул к маме.

- Оденьтесь, возьмите с собой только самое необходимое... И ждите... Я вас позову.

- Ясик, что ты задумал? – мама обхватила его голову руками. – Они ничего с тобой не сделают?

Она смотрела на него так, как всегда, смотрела на папу: чуть-чуть растерянно, но вместе с тем с гордостью. И Ясику было это приятно видеть.

- Не сделают, - он подошел к двери, прислушался.

- Почему ты так уверен? – шепотом спросила мама.

- Потому что человек всегда сильнее нечистой силы...

Оглянувшись, Ясик показал маме, чтобы они одевались, и вышел из комнаты.

Тени таились по углам, как партизаны в лесу. Он никогда раньше не замечал, что их коридор такой узкий и черный. Сквозь застекленную дверь соседней комнаты Ясик видел тускло мерцающий огонек, слышал приглушенные голоса.

Гости разговаривали.

Ясик старался ступать неслышно. Подошел к приоткрытой двери и остановился.

- А с девчонкой шо? – шепнул Грабиняк. – Ей же пять, она пока на контру не тянет!

- Дурак! – засмеялся Кургузов. – Девчонку и пацана возьмем с собой. Это же молодость, Грабиняшка, ты не представляешь! Это же чистая, незамутненная молодая кровь...

- А душеулавливатель? – не сдавался Грабиняк. – Вдруг нас накроют? За две души в порошок сотрут, будешь потом триста лет камнем у болота лежать...

Сердце стучало так громко, что казалось, вырвется из груди. Это же они советуются, что делать с хозяевами квартиры!

Он прижался к стене спиной, зажмурился, представляя то средневековых рыцарей, то солдат, идущих в атаку – всех те, кто внушал ему мужество. Теперь надо было на время задержать дыхание, вообразив, как страх превращается в воздушный шарик, после чего выдохнуть его из себя. Этому упражнению его научил папа.

Наверное, страх был слишком большим, он никак не хотел выходить наружу. Ясику пришлось напрячься. Он вдохнул в себя слишком много воздуха, поэтому выдох получился шумным, даже с каким-то утробным хрипом. Как будто внутри сломалось что-то, державшее в тисках его сердце.

- Пospelов, ты слышал? – зашевелился Кургузов. – Пойди, глянь, кто там вовтузится? Ну! Хватит чаевничать...

Надо было идти навстречу опасности и Ясик, сглотнув слюну, шагнул в открытую дверь. - О, хлопчик, ты чего полуночничаете?

Кургузов и Грабиняк стояли на четвереньках у телевизора. Увидев Ясика, они повернули к нему головы. На столе, застеленной обрывком газеты, стояла тарелка с квашеной капустой, рядом валялась голубовато-серая тушка селедки с отрезанной головой и раскрошенная горбушка хлеба. Чуть поодаль возвышалась полупустая водочная бутылка, вокруг которой, прижавшись друг к другу гранями, толпились рюмки из сервиза, подаренного папе на тридцатипятилетие.

Ясик движением пальца сдвинул рычажок на плеейере, поставил его в записывающий режим.

- А я хочу хлеба попросить.

- Возьми, - милостиво разрешил Кургузов. – Не тушуйся.

Он сидел на корточках, прижавшись лицом к телевизионному экрану.

- Ничего не видно, - вздохнул Кургузов. - Ты нам вот что скажи, - Грабиняк был настолько пьян, что у него язык заплетался. – Это что за ящик? Для какой такой надобности? Я думал, что за стеклом что-то есть, а там – чернота...

Ясик взял со стола кусок хлеба, сунул в карман.

— Это? – он повернулся лицом к телевизору. – Это ящик, в котором живут люди.

Грабиняк удивленно посмотрел на Ясика. Кургузов внезапно дернулся, попытался встать, но зашатался и снова сел на пол.

— Это как они... там живут? – он с недоумением уставился на Ясика. – Как они туда проникают? Дверца где? – Кургузов провел рукой по задней панели.

– Здесь же дырок нет... Как туда залезть? Чего ты заливаешь?

- Так не надо залезать. Достаточно поместить внутрь его...душу...

Кургузов испуганно замахал руками. Он, шатаясь, встал, и чтобы не упасть, оперся рукой об стенку.

- Ты хочешь сказать, что это... душе...душе...душеулавливатель? – он презрительно осмотрел телевизор. – Как же! Это же сундук с окном... И никакой не душеулавливатель...

Ясик понял – сейчас или никогда! Он сделал несколько шагов к двери, резко развернулся.

- Так они ж разные бывают...- он вдруг вскинул руки и, стараясь придать себе внушительности, сердито сдвинул брови. – А теперь – слушать сюда! – громко крикнул Ясик. – Вот где ваши души! Они вам не принадлежат! Они в моей власти!

Он растопырил пальцы и, включив плеер на полную громкость, переводил взгляд с одного лица на другое, стараясь не пропустить ни одного движения оборотней.

— Это как они там живут...- голос Кургузова, втиснутый в глубины плеера, гремел с металлической страстью.

Голос, вырывающийся из динамиков плеера, был очень похож на настоящий. И комиссар его узнал. Лицо Кургузова покрыла мертвенная бледность.

- Как они туда проникают? Через что? Здесь же вовсе дырок нет, как туда залезть? Чего ты заливаешь? – голос Кургузова звучал в комнате, наполняя сердца оцепеневших людей всевозрастающим страхом.

- А сейчас я вас сотру!

Ясик отвел руку в сторону, обвел перепуганные лица победоносным взглядом. И тут раздался выстрел – перепуганный Пospelов грохнулся оземь и выронил винтовку. Она ударилась об пол и выстрелила. Пуля с булькающим всхлипом вошла в противоположную стенку и отскочила, камешком запрыгав по полу. Звякнула гильза, в комнате запахло дымом. Из-под слоя осыпавшейся штукатурки заалел выщербленный кирпич.

Кургузов, упав на колени, прижался лицом к полу, и закрыв голову руками, так и стоял, не поднимая. Грабиняк, забравшись под стол, стучал от страха зубами и, как показалось Ясику, даже скулил.

- Ясик!

Мама, сжимая в одной руке чемодан, заглянула в дверной проем. Рядом, держа маму за руку, топталась закутанная до бровей Ольга. Увидев перепуганных гостей, она растерянно уставилась на Ясика.

- Идите! – Ясик ткнул пальцем во входную дверь. – Ключи доставай...

Чемоданные колесики, катясь по паркету, жалобно скрипнули. Ольга, всхлипывая, побежала за мамой.

Держа правую руку над головой, Ясик еще раз осмотрел комнату. В неподвижных позах Кургузова и Грабиняка чудилось что-то звериное. Так животное, видя перед собой более сильного, подобострастно замирает, то ли надеясь, что о нем забудут, то ли показывая всем своим видом, что оно уже не опасно. У Кургузова, лежащего ничком, подрагивали заросшие рыжим волосом уши. Скрученный жгутом Грабиняк уменьшался на глазах. Только Пospelов, в момент падения разбивший себе губу, был похож на испуганного и окончательно растерявшегося человека.

Ясик шагнул к двери, стараясь не выпустить троицу из виду. Пospelов на мгновение открыл глаза, снова закрыл лицо ладонями и горячо зашептал.

- не...вай...неу...вай...-

В несколько прыжков Ясик преодолел коридор, помог маме вытащить за порог чемодан.

Он сунул в замок ключ, сделал один оборот, второй... И только после того, как толщина двери отделила их от тех, кто остался в квартире, перевел дух. Мама и Оля смотрели на него, ожидая дальнейших распоряжений. И Ясик тут же пришел в себя.

- Вниз! – скомандовал он. - За мной!

Вывхватив чемодан из маминой руки, он оторвал его от пола и пошел вниз по лестнице.

Глава 10. Дом на канале

Дождь со снегом разгулялись не на шутку. Ясик поставил чемодан на асфальт, попытался катить его за собой, но колесики тут же забуксовали. Он оглянулся: никакого асфальта не было и в помине, снег ложился на мокрую землю, покрывая его грязно-серым платком. Значит, асфальта тогда тоже не было?

Мама испуганно озиралась по сторонам.

- Ясик, это что, Петербург?

- Он самый. Я тоже сначала ничего не узнал. А сейчас уже даже знаю, куда идти.

Они вышли из подворотни и остановились, думая, куда идти.

По улице Декабристов быстрым шагом протопал солдатский отряд. Штыки винтовок тускло мерцали. Солдаты с любопытством смотрели на них.

Мама испуганно отвернулась и стала разглядывать фасад соседнего дома.

- Господи, да это же бывший продовольственный...

Они остановились у забитого досками подвального помещения, на котором белой краской было выведено: «Лавка погребальных принадлежностей».

- Да нет, мама, это наш продовольственный - бывшая лавка похоронных принадлежностей...- поправил ее Ясик.

- Да, сынок...- мама качнула головой. - Ты прав.

Сзади раздался дробный топот копыт. Они оглянулись. По середине проспекта, покачиваясь в седлах, ехали три всадника в длиннополых шинелях. У них на головы были остроконечные матерчатые шлемы, на которых спереди виднелись багровые, вышитые вручную звезды. Один из всадников оглянулся и внимательно посмотрел на маму. Ясик затаил дыхание. Вышитая на шлеме звезда была похожа на рану, образованную ударом копыта. Подумав об этом, Ясик почему-то улыбнулся и уже без опаски посмотрел седока. Чего их боятся?

- Драгомойленко! – окликнул его второй всадник. – Шо зенки вылупил? Догоняй!

Те, что были впереди, пришпорили лошадей и перешли на рысь. Отставший кавалерист еще несколько мгновений смотрел на них, словно не зная, что предпринять, потом гикнул, влупил по глянцевого лошадиному боку куцей нагайкой и быстро поскакал за своими товарищами.

- Слава тебе Господи! – мама подняла руку и перекрестилась. – Ясик, а куда мы идем?

Ясик пожал плечами.

- Пока не знаю. Выберемся на Сенную, там разберемся.

Они свернули в Столярный переулок. За прошедшие восемьдесят лет он ничуть не изменился. Те же дома, фасады, даже тротуары так же, как и в наши дни, утопали в воде. Ясику пришлось поднять чемодана и тащить его так.

- Мы должны вернуться в свое время. – Ясик остановился, пытаясь перевести дух. - И как можно скорее...

- Хочу к папе! – всхлипнула Оля. – Я соскучилась.

- Тише, Оленька. – Начала утешать ее мама. – Хочешь, я возьму тебя на руки?

- Хочу на руки, хочу на руки, - запричитала сестренка. - Яська, куда ты нас ведешь?

Они дошли до следующей улицы, свернули налево.

- Я думаю, в прошлое мы попали не просто так. – вслух размышлял Ясик. — Это проделки того самого продавца в звездчатом колпаке...

Мама приостановилась.

- Кого? Того милого старичка, который предлагал мне шубу? – она недоверчиво смотрела на Ясика. – Почему ты так решил?

Они перешли через канал Грибоедова, и Ясик снова стал. Пот заливал глаза. Он зачерпнул ладонью пригоршню снега, смочил лицо. Казалось, что у этого снега даже вкус немного иной. Кисло-сладкий, как у рыночного творога...

- Ты помнишь, как он рассердился. И даже что-то сказал про исторические обстоятельства?

- Постой! – мама сдвинула брови. – Точно, я что-то сказала типа «и то, и другое» ...

— Вот он и устроил нам... другое.

Мама нахмурилась.

- Господи, какая низость! И за что? Это же наказание какое-то!

Она отобрала чемодан у Ясика и быстро пошла вперед.

— Вот я ему устрою! – мама остановилась и пригрозила кому-то кулаком. – Негодяй! Как он посмел! Да я на него в суд подам!

Ясик и Ольга почти бежали. Мама, увидев перед собой цель, решительно шагала сквозь снег и дождь, желая как можно быстрее расстаться с этим не гостеприимным временем.

До магазина оставалось совсем немного, метров пятьдесят. Ясик с ужасом себе представлял, что будет, если на прежнем месте не окажется ни магазина, ни продавца. Что он скажет маме? И куда им тогда идти? К кому обратиться? Разве что разыскать прадеда. Он ведь в те годы жил в Петрограде? Но где его

искать? И даже, если найдешь, как объяснить, кто они такие? Или родня остается родней, даже если перепутались времена?

Впереди мелькнула витрина магазина – судя по витрине, завешанной чем-то цветным и ярким, здесь, как и через будущие сто лет, размещался магазин, торгующий чем-то дамским.

Они ускорили шаг. В этот момент к магазину подкатил грузовичок с солдатами. Грузовичок остановился у входа. Из кузова конфетами из кулька высыпался ворох красноармейцев.

- Облава! - крикнул кто-то.

Мужчина в натянутом на глаза картузе, услышав крик, выпучив глаза, побежал в ближайшую подворотню. Красноармейцы, разбившись цепью, медленно шли по улице в их сторону.

- Сюда! – мама толкнула Ясика в плечо.

Они забежали в полутемный подъезд. Топот был все ближе. Мама беспомощно посмотрела по сторонам.

- Наверх! – крикнул Ясик, хватая ручку чемодана и Олину ладонь.

Они помчались наверх.

– Быстрее! – выталкивала из себя мама. – Ну...ну...

Сзади хлопнула входная дверь, раздались голоса, топот.

Бежать становилось все труднее, дыхание забивалось, пот заливал глаза, а лестница никак не кончалась.

На одном из лестничных пролетов Ясика занесло. Он качнулся и ткнулся плечом в дверь. Тихонько скрипнув, дверь отворилась.

- Мама, Оля!

Они уже поднимались на следующий пролет. Услышав его шепот, забежали в полутемную прихожую. Ясик тихонько прикрыл дверь. По лестнице уже летели, гремя каблуками, щелкая винтовочным затворами, красноармейцы.

- Куда они делись? – крикнул кто-то.

- Да на чердак, видать! – раскатисто гроыхнуло сверху.

Топот удалялся. Ясик стоял у двери, низко опустив голову и прислушивался к ударам своего сердца. Вроде пронесло? Он оглянулся – мама стояла в конце коридора, держа на руках беззвучно всхлипывающую Ольгу.

- Яська, я пелепугалась, - шепнула Оля. – Чего они за нами гонятся? В прятки играют?

- В прятки, - сказал Ясик. - Но лучше им не попадаться. - прошептал Ясик.

Он провел рукой по двери, нащупал цепочку. На другом его конце болтался массивный крюк. Стараясь не шуметь, Ясик накинул цепь на кольцо, вбитое в косяк, подхватил чемодан и пошел следом за мамой.

Судя по беспорядку, царящему в комнатах, по раскрытым шкафам и смятым постелям, дом покидали второпях. Может быть, даже ночью.

Они расположились в комнате, окна которой выходили на канал Грибоедова.

Ясик сходил на кухню. Все ящики были выдвинуты, на полу лежала рассыпанная крупа. К счастью, в одном из шкафчиков нашли мешок картошки. Вымыв клубни в фаянсовой раковине, мама развела примус, поставили картошку на огонь.

- Вы с Олей отдыхайте, а я схожу на разведку, - сказал Ясик.

- Какая еще разведка? – вскинулась мама. – Давайте все отложим на завтра!

- Нет, - покачал головой Ясик. – Надо убедиться, что это тот самый магазин, и узнать, когда работает продавец?

- Я пойду с тобой, - сказала сонная Оля. – Ладно?

- Никуда ты не пойдешь! – заволновалась мама. – И Ясик не пойдет. Завтра утром пойдем вместе.

Ольга продолжала шепотом препираться с мамой. Ясик подошел к окну. Вода в канале казалась черной и недовольной. Казалось, еще немного и она выйдет из берегов.

- Я недолго, мама. – Сказал Ясик. – Только добежу до угла и обратно. Обещаю – все будет хорошо.

Он сказал это с такой с твердостью, что мама только махнула рукой и стала одеваться.

- Нет, мама, двое – это не один...Двое привлекают к себя внимание... А так идет себе мальчишка, никого не трогает. Верно?

Он подошел к маме и крепко-крепко ее обнял. И мама тоже крепко их обняла
- и Ясика, и Олю

Глава 11. Петушины бои

Снег с дождем кончились и, как показалось Ясику, на улице даже потеплело. Вначале он думал войти в магазин, найти шутника в звездчатом колпаке и потребовать, чтобы тот вернул их в Петербург 2011 года. Но вдруг для отправки обратно им нужно быть вместе? Не станет же продавец отправлять в будущее каждого по отдельности?

Подумав об этом, Ясик решил прогуляться по Сенной площади. Потом как бы случайно пройти мимо магазина, чтобы понять, есть ли там тот, кого он ищет? А вдруг нужного продавца нет, и никогда не было? От такой мысли Ясику даже стало худо. Тогда от его плана ничего не остается. Что делать в этом случае, Ясик не знал. Одним словом, хоть ложись – да помирай. Под порывами ледяного вода в канале закручивалась пенными гребешками. Ясик поймал себя на мысли: если смотреть в канал, не поднимая глаз, можно вообразить, что ты никуда не уезжал, не перемещался, а всего лишь задумался по дороге в школу, и стоит только поднять глаза, как увидишь стайку прохожих, спешащие автомобили, стекло витрин, массивные квадраты рекламных постеров.

Но когда Ясик поднял глаза, то увидел только серую рябь канала, полупустынную набережную и реденькую толпу, снующую по Сенной площади взад-вперед.

Дойдя до мостика, он свернул влево и вскоре уже шел вдоль низеньких деревянных строений. По рынку расхаживали веселые, разбитные продавцы в грязноватых фартуках и заломленных набекрень картузах, хмурые, недоверчивые крестьяне в драных зипунах и широких, растоптанных валенках, солдаты в мятых шинелях, с котомками, болтающимися на плечах наподобие боксерских груш, перепуганные старики с бородками и пенсне на худых носах. Здесь никому не было до тебя дела, каждый искал только то, что ему нужно, и Ясик, одетой в болоньевую куртку и вязаную шапочку, чувствовал себя в большей безопасности, чем когда сидел в четырех стенах.

Он прошел всю площадь из конца в конец, разглядывая осыпанные мелким сахаром кренделя, банки с медом, деревянные загородки, засыпанные мелким картофелем. Съестного продавалось немного, и в этих местах в основном и толпились покупателей. А подавляющее большинство продавало и покупало личные вещи – часы, браслеты, облезлые горжетки, воротники, фарфоровые тарелки, кастрюли, самовары, сапоги, валенки, шинели со следами споротых погон.

Навстречу Ясику попался мальчик. Он нес на вытянутых руках квадратную доску, заставленную фигурками леденцов-«петушков». Нечто похожее Ясик видел на картинке в книге. Глядя на красный, брызжущий слюдяным огнем гребень, на продольные выемки, поблескивающие сахаром, на изогнутый хищным крюком клюв, который, при откусывании, судя по прозрачной хрупкости, должен издавать хруст, Ясик едва не захлебнулся слюной. Он уже ощущал, как петушок тает во рту, как истончается массивная сладость и от конфеты остается тонкая палочка. Эх!

Ясик с умилением разглядывал конфеты, а мальчик-продавец, переминаясь с ноги на ногу, терпеливо дожидался, когда покупатель выберет то, что ему приглянулось.

- Бери вот этот, - мальчишка ткнул пальцем в горделивого петуха, лежащего с самого краю. – Этих первыми заливали, вона, какая шея жирнющая, – мальчишка сглотнул слюну. – Сладостью захлебнёшься...

Ясик понимающе кивнул. В самом деле, петушок выглядел самым массивным и крепким в стае литых сородичей. Эдакий сахарный исполин, с массивными выступами алых крыльев.

- А у меня денег нет, – сказал он.

- Что, вообще, никаких? – пригорюнился мальчик. – Даже керенок? Тогда давай меняться!

- А это как?

Мальчик с презрением оглядел Ясика.

- Тебя как зовут?

- Ясик.

- Как?

- Ярослав.

- А-га, - мальчишка вытер руку об штанину и деловито протянул ее Ясику. – А меня – Васька...

Они пожали друг другу руки.

- Так вот, Яська, торг в нашем ремесле – первейшее дело. Вот что ты мне, к примеру, можешь дать?

Что Ясик мог предложить этому петроградскому крепышу? Он порылся в карманах куртки – пусто. Пошарил в брюках. Тоже ничего. Только в заднем кармане обнаружилась просроченная карточка на метро.

- Что за картонка? – оживился мальчишка.

- Да проездной на метро. Ну, на поезд, который под землей ездит... - пояснил Ясик, видя, что Васька смотрит на него с недоверием. – На подземный транспорт...

Он начал вспоминать, когда в Питере построили метро. Ничего не вспоминалось.

- Ну, ты и заливать! – засмеялся Васька. – Поезда и по земле-то почитай года два уже не ходят. Батя, вон, в Псков за сахаром ездил – неделю туда токо... - он покачал головой. – А ты свернул пятак блинчиком – под землей... Хотя...- Васька улыбнулся. – Давай ишшо...

- Что давать?

- Ну, рассказывай. – кивнул Васька. – Может, я тебе пивня и за так дам...

Ясик пожал плечами. Рассказать он мог о многом, лишь бы Васька поверил. А то ведь будет смеяться.

- Ну, скоро по небу будут летать самолеты...- Ясик ткнул пальцем вверх. - Покупаешь билет, садишься и летишь себя, хоть в Париж, хоть в Нью-Йорк... Васька покачал головой, недоверчиво сощурился.

- А есть-то как? Там же наверху ветрище, наверное...- Васька мечтательно вздохнул. – Даже на колокольню, вон, заберешься, так там голову запросто оставишь... Ветер так и рвет, так и хлещет...

- Так ты же не на крыле сидишь, а внутри, в салоне. – Начал переубеждать его Ясик. – А там и тепло, и светло...

Он вспомнил, как они с родителями летали в Египет. Как летели через Средиземное море, и оно горело внизу под лучами солнца глубокой эмалью. — Это ты дал маху. – Васька поправил висевший на шее ремешок, который удерживал переносный прилавок. – Не верится... А ты часом гадать не умеешь?

Ребята так увлеклись разговором, что не заметили, что рядом с ними крутятся какие-то люди, прислушивающиеся к разговору.

- Гадать? – Ясик задумался. – Смотря про что?

Васька глянул по сторонам, наклонился ближе.

— Вот скажи: когда Юденич возьмет Питер?

Ясик вспомнил страницу из учебника истории, которая называлась «Оборона Петрограда».

- Он не возьмет Петроград. Ни-ког-да...

Мальчишка недоверчиво хмыкнул.

- Ты че? Юденич в Стрельне, красные драпают, как мыши...

Ясик развел руками.

- Но я точно знаю – не возьмет! Петроград останется красным.

Васька нахмурился.

- А я тебе тогда петуха не дам.

Это было по-настоящему обидно. Ясик почувствовал, что он сейчас расплчется. Сколько можно обманывать?

- Так ты ж обещал!

- Я? – Васька ткнул себя пальцем в грудь. – Так я хотел знать про другое. И, вообще, дай-ка мне пройти, пророк краснопузый...

- Ты чего обзываешься? Петушка не даешь, а обзываешься!

- Не заслужил, потому что! Брехло!

- Кто не заслужил? Кто – брехло?

Ясик размахнулся и саданул Ваське по скуле. Удар получился хлестким и неожиданным. Он отработывал апперкот в школьном спортзале целых полгода. Васька не удержался и рухнул на мокрый снег. Ясик едва успел схватить с доски горсть петушков, как толпа кинулась к нему.

- Держи вора! – закричали над ухом.

Развернувшись, он бросился бежать, но тут же уткнулся кому-то в живот, чьи-то руки схватили его за воротник. Чувствуя, что уйти не удастся, Ясик успел затолкать петушка в рот и зажать зубами. Сладкая, пахнущая жженым сахаром масса растеклась во рту небесным нектаром. Теперь и умирать не страшно.

Пытаясь вырваться, Ясик ткнул кого-то кулаком в живот, кого-то укусил, а кого-то и вовсе свалил тычком на землю.

- Ах ты, пащенок!

- Тварь кусучая...

- Сами такие...

Его повалили на живот, кто-то костлявый и жилистый взгромоздился на спину, стал заламывать ему руки. От хлынувшей из лопаток боли в глазах потемнело, в ушах забился чей-то истошный крик. Зато во рту Ясика все еще плескалась густая, леденцовая свежесть, которую постепенно вытеснял соленый вкус крови.

Глава 12. С поэтом заодно

Керосиновая лампа над ободраным столом едва светила, отчего лица находившихся в помещении людей казались бледными и неживыми.

- Фамилия?

- Филимонов. Ярослав.

- Из какого сословия?

Ясик поднял голову. Лицо сидящего за столом молодого мужчины показалось ему знакомым. Крупный, хрящевидный нос, борода клинышком, темные, горящие влажным блеском глаза. Где он его видел?

— Это как?

В помещении было жарко. В углу стояла печка-буржуйка, железная труба, изогнутая углом, выходила прямо в форточку. Похожая печка когда-то стояла у них на даче, тогда папа только-только начал строить дом. В углу на стульчике, прислоненном к стене, сидел мужчина с бледным неправильным лицом. Рядом топтался солдат с винтовкой. Судя по всему, солдат его стерег. У противоположной стены стояла длинная скамья, там сидел Васька. Под глазом у него красовался синяк.

- Родители твои кто? – недовольно уставился на Ясика мужчина.

- Папа – инженер. Мама – домохозяйка.

- Понятно. Контрики, - буркнул мужчина и что-то записал в лежащий перед ним лист бумаги. – Отец где?

- В командировке. В Сибири.

Мужчина переглянулся с немолодым толстым матросом, который, прислоняясь к стене, то ли дремал, то ли делал вид, что дремлет.

- У Колчака? – процедил матрос, отрывая голову от стены.

- Почему у Колчака? – пожал плечами Ясик. – Там трубопровод рванул, он поехал устранять аварию.

- Какой трубопровод? Какая авария? Че ты мелешь? – взвился матрос. – Ты нас за кого держишь? Мы тебе не какая-то там охранка? – он горделиво расправил плечи. - Мы - сотрудники Чрезвычайного комиссии, у нас разговор короткий...

Он встал и заходил вдоль стены.

- Ты бы ,Нефедов, не мельтешил, – заметил носатый. – Возьми лучше солдат, сгоняй на обыск!

Матрос брезгливо оглядел носатого.

- Сам ехай! А я подпрашиваю.

- Я старший по званию!

- А я в партии с девятьсот пятого года.

Мужчина с бородкой взял лежащий на столе маузер, дунул в ствол.

- А я стреляю лучше. – Он улыбнулся, положил маузер на стол, и пальцем поманил к себе Ваську.

- Садись...

Васька подошел к столу.

- Так из-за чего у вас драка приключилась?

Васька обиженно запыхтел.

- А он, дяденька, сказал, что Юденич завтра будет в городе. А я ему – не может такого быть! Красные, знаешь, как дерутся за свободу! А он говорит, я знаю, я пророк, красные разбегутся, а белые будут всех на осинах вешать ...

- Помолчи. – торопливо прервал его мужчина.

Он перевел взгляд на Ясика.

— Это правда?

Ясик не знал, как быть: Васька лгал на ходу.

- Я не мог такого сказать, потому что знаю – Юденича в городе не будет! Это исторический факт!

Мужчина сердито посмотрел на Ваську, потом многозначительно посмотрел на матроса. Дескать, знай наших!

- И откуда ты это знаешь?

Школа, дом, семья, компьютер, друзья, - все то, что совсем недавно составляло смысл его жизни, сегодня были так далеко, что Ясику не верилось, что это когда-то было. Поэтому и объяснять, откуда он это знает, не хотелось. Все равно ведь не поверят.

- Знаю и все...

Мужчина с бородкой откинулся на стуле, постучал пальцем по столешнице.

- Видите, гражданин поэт, что говорят дети? – Нефедов поправил сползшую с плеча шинелишку, приосанился. – А вы заладили – дни красной власти кончаются, якобинский террор не может длиться вечно! - он раздвинул губы в улыбке. – Может! Чьи-то дни может и сочтены, а наши только начинаются...

Мужчина с неправильным лицом неопределенно хмыкнул.

Матрос, все также ходивший вдоль стены, подошел к Ясику.

- Еще чего знаешь? Ты не молчи, выкладывай. Все равно попытаемся...

Ясик качнул головой.

- Да вы спрашивайте, может чего и знаю...

Матрос снова переглянулся с мужчиной с бородкой.

- А Ленин? – он пожевал толстыми губами. – С Лениным как? С ним-то ничего не случится?

К счастью, Ясик знал, кто такой Ленин. Он даже помнил годы его жизни.

- С Лениным? - Ясик кашлянул. – Да случится, конечно

- Что значит, конечно? – возмутился матрос. – Ты сильно не воображай!

Конечно...ты буржуйам будешь говорить...

Ясик пожал плечами.

- Так вы хотите, чтобы я сказал правду?

Носатый постучал карандашом по столу, кивнул матросу.

- Разумеется, - кивнул он. – Одну правду, ничего, кроме правды!

Ясик увидел, что и поэт, сидевший в углу, поднял голову и интересом смотрит на него.

- Ленин умрет в 1924 году.

Матрос стремительно подошел к столу и оперся на него руками.

- Так...- он хлопнул ладонью по столу. – Мы или мои кончаем этот балаган, или я иду на Гороховую!

- У-тю-тю! – мужчина с бородкой засмеялся. – Смотри, в клешах не запутайся! – он снова повернулся к Ясику. - И что же будет с Россией после этого?

Матрос сложил руки на груди – дескать, говорите, а мы послушаем!

Ясик пожал плечами.

- А что будет? Партию возглавит Сталин, потом будет коллективизация, потом индустриализация, потом война...

- Сталин?– мужчина с бородкой повернулся к матросу. – Это кто?

Матрос брезгливо поджал губы.

- Да есть тут один...Кавказец...

- А война с кем? – спросил поэт.

- Как с кем? – Ясик повернулся в его сторону. – Опять с немцами...С кем же еще?

Мужчина с бородкой поднялся, вышел из-за стол. Отвел матросу в сторону и стал с ним перешептываться. Иногда он поглядывал Ясика, и по этому взгляду можно было понять, что ничего хорошего его не ждет.

- Значит так, гражданин Филимонов. – он вернулся за стол. - Сейчас вас доставят в ЧК... На Гороховую. – Он посмотрел на мужчину с неправильным лицом. – И вас, гражданин поэт, отправим с оказией ...

Он склонился над столом, подозвал к себе солдата и начал ему-то объяснять. Тот внимательно слушал.

Матрос обыскал Ясика. Вывернул карманы штанов и куртки, пухлой ладонью провел по подкладке. И почему Ясик не послушал маму и ушел с квартиры? Надо было дожидаться утра и вместе отправляться на поиски продавца. А теперь встреча с близкими людьми вообще откладывалась на неопределенный срок.

- А зачем мне на Гороховую. – сказал Ясик. – Мне домой надо, меня мама ждет...

Матрос кивнул солдату. Тот подошел сзади, ткнул его штыком в спину. Ясик оглянулся. У служивого были белые глаза, тяжелая нижняя челюсть, и квадратный, похожий на кирпич, подбородок.

- Ступай! – приказал солдат. – Пошевеливайся!

Он сжал винтовку обеими руками, подошел к двери.

- Сюда!

Первым из помещения вышел солдат, следом за ним поэт. Потом - Ясик.

Замыкал цепочку худенький солдат, которого Ясик увидел, когда они вышли из помещения.

- Руки за спину! – приказал белоглазый.

- Как на расстрел, - сказал поэт.

Он наклонился к Ясику.

- Здравствуйте, молодой человек. Позвольте представиться... Николай Степанович...- он назвал фамилию, но Ясик ее не расслышал. – А вы стихи сочиняете?

- Нет, сказал Ясик. – Я не умею. А зовут меня Ярослав Филимонов.

Николай Степанович ободряюще улыбнулся.

- Приятно видеть, что вы не утратили мужества, Ярослав.

Они вышли на пустынную, грязную улицу, посреди которой тянулись кривые, искореженные трамвайные рельсы. И только пройдя десяток метров, Ясик понял, что эта улица - Садовая...

- Не расслабляться. - Предупредил поэт. – Ждите приказа...

Ясик удивленно посмотрел на него.

- Разговорчики! – прикрикнул худенький.

Поэт замолчал. Хотя, судя веселому выражению его лица, самое интересное было впереди.

Глава 13. Дом на канале

Свернули на Гороховую. В сумеречном мороке скорее угадывался, чем виднелся тусклый шпиль Адмиралтейства. Ясик вспомнил, как совсем недавно кто-то из родителей организовал классу экскурсию в Адмиралтейство. Одно дело - смотреть на Адмиралтейство из Александровского сада или Исаакиевской площади. И другое - взирать на сад и площадь с высоты имперского шпиля, с высшей точки самой могущественной в истории империи. Ясик помнил, что на каменной балюстраде, почти под самой крышей установлены каменные статуи. Там в основном были герои древнегреческих мифов. Когда смотришь с высоты на город, кажется, что ты один из них - Геракл или Патрокл.

Но сегодня в небе над погружающимся в зимнюю спячку городом не было никого: ни ангела, ни шпиля, ни веселого кораблика. Во всяком случае, Ясику так казалось.

Они перешли через мост: солдат – поэт – Ясик, - снова солдат. Уже приближались к Большой Морской, когда поэт шепнул:

- Еще чуть-чуть!

Ясик посмотрел на поэта.

-...товсь. – одним губами шепнул Николай Степанович.

Он еще не понимал, что придумал поэт, но сердце уже застучало часто и весело. Ясику хотелось быть вместе с этим веселым, хладнокровным человеком с неправильным лицом. И поскорее избавиться от компании часовых, топающих за их спинами.

- За мной!

Поэт развернулся на месте, высоко подпрыгнул и ловко саданул худого солдата ногой в грудь. Тот выронил винтовку и рухнул спиной в грязь. Пока белоглазый раздумывал, что делать, Николай Степанович схватил Ясика за руку. Они побежали через улицу в сторону ближайшей парадной.

Второй удар пришелся по двери. Они вломились внутрь и только теперь, когда двери захлопнулись, сзади гроыхнул запоздалый, какой-то растерянный выстрел.

Николай Степанович неся по лабиринту дворов, переходов, черных и парадных лестниц с проворством кошки, его сапоги уверенно выстукивали каблучную дробь по жестяным крышам, по мосткам, проложенным между каменистыми выступами. Они спустились вниз, шмыгнули в подвал, шли долго, утопая по щиколотки в воде.

- Где это вы научились так драться?

- Вам понравилось! - засмеялся Николай Степанович. —

- Еще бы, - признался Ясик. - У нас так каратисты дерутся...

- Кто это? — не понял Николай Степанович.

Ясик объяснил.

- Понятно, - обрадовано заметил Николай Степанович. — Значит, нашел дело не погибло...-он на секунду остановился, прислушался, нет ли погони. — Это я в путешествии па Абиссинии поднаторел...- он улыбался. — Поэт должен владеть не только пером и дуэльным пистолетом, но и кулаком!

- А где эта... Аби Синяя? — поинтересовался Ясик.

Поэт не удивился его вопросу, хотя Ясик знал, что взрослые нередко любят хвастать своими знаниями. И при всяком удобном случае всегда вспоминаю, что вот они-то знали об этом уже в школе. Но поэт оказался не из таких.

- Северная Африка...Эфиопия, Судан...Я в 1909 году провел там полгода...

- Это здорово! – сказал Ясик. – Я бы тоже не прочь там побывать...

Впереди мелькнул свет, и Николай Степанович пошел быстрее – он хотел посмотреть, есть ли там выход.

- Не страшно? – Поэт повернулся к мальчику.

- Вроде нет, - Ясик на всякий случай глянул по сторонам. – Разве что чуть-чуть...

Но если за себя страшно не было, то вспоминая маму и Олю, у него на глаза наворачивались слезы. А вдруг они, не дождавшись его возвращения, пойдут его искать? Надо же как-то успеть вернуться до того, как она выйдет.

Мучаясь этими соображениями, он решил рассказать обо всем Николаю Степановичу.

— Это в каком доме вы остановились? – уточнил поэт, внимательно его выслушав.

Ясик описал.

- Ага, понял. Мы скоро там будем. А до нужного тебе дома оттуда рукой подать.

Они выбрались из подвала на свет. И оказались в каком-то глухом, окруженном высокими стенами дворе. В окнах таилась антрацитовая тьма.

- Сюда! – поэт подошел к деревянной стене.

Там оказался зашитый досками пролом. Отогнув доску, они пролезли внутрь и оказались в еще одном дворе. Здесь было светло и чисто. Покружив по каменному переходу, нырнули под арку и выскочили на канал.

Ясик удивленно огляделся.

- Так это ж мы у Юсуповского сада.

- Верно. Значит, пока мы идем к твоему дому, рассказывай о себе все, что считаешь нужным.

Они торопливо шли по Садовой. Ясик рассказывал, ничего не утаивая, как будто рядом шел не незнакомый поэт из 1919 года, а кто-то родной и очень близкий. Например, папин брат. Его все звали Алеша Маленький, хотя он был почти двухметрового роста и был на войне.

Ясик взхлеб рассказал Николаю Степановичу о своем времени. Отсюда, из мрака 1919 года, время, в котором им выпало жить, выглядело фантастически красивым, справедливым и величественным. Об этом можно было судить и по восторженным охам Николая Степановича, по его восхищенному взгляду, по множеству вопросов, который он начал задавать после того, как Ясик рассказал о технических новинках, о полетах в космос и других необычных вещах.

- Даже не верится, что это может быть! – поэт удивлялся так часто, что Ясик понял – Николай Степанович не прочь побывать в будущем.

Вместе с тем Ясику теперь было неловко сознаваться в том, что люди будущего не так счастливы, как кажется поэту.

- Я не знаю, как вам объяснить, - он все-таки решил сказать правду. - Но и в нашем времени есть немало недовольных.

— Это почему же? – не понял Николай Степанович.

Ясик не знал, как это объяснить.

- Ну, вот, например, некоторым не нравится, как работает городской транспорт...

- А в чем дело? В городе его нет?

- Он есть, но он ходит не так часто, как хотелось бы.

- И люди из-за этого сердятся? – Николай Степанович пожал плечами. – В самом деле, человеческая природа неисправима.

Беседуя о разных вещах, они вышли к каналу Грибоедова, перешли через мостик.

- Здесь! – остановился Ясик.

Он поднял глаза, осмотрелся. Странно, нужного дома не было. Он не верил своим глазам. Неужели он ошибся?

Ясик еще раз огляделся. Вот мостик, вот канал, вот ограда в пятнах ржавчины. Но дома почему-то все равно не было.

- Может, это был какой-то другой дом?

- Нет, - покачал головой Ясик. – Дом стоял на этом месте. – Он ткнул пальцем в пустое пространство. — Вот там была арка, ведущая во двор, а слева лестница. Мама с Олей остались в квартире на четвертом этаже. – Он вертел головой по сторонам. – И что мне теперь делать? – слезы закипали у него в голосе. - Я же не могу оставить их здесь?

Поэт положил руку ему на плечо.

- Ярослав, мы обязательно найдем твою маму и сестру. Правда, я пока не знаю, что для этого нужно...- он взял Ясика под руку. - Но у меня есть друзья, которые это знают. Так что, мой юный друг, предлагаю навестить одного из них. Заодно посмотрите, как живут алхимики! Полагаю, вы даже не знаете, кто это такие?

- Я знаю! – Ясик немного успокоился – ему верилось, что поэт и его друзья им помогут. – Алхимики — это люди, которые хотят найти секрет изготовления золота...

- Верно. – кивнул Николай Степанович. – Значит, золото из железа так делать и не научились?

- Да нет... пока. – сознался Ясик. – Хотя попытки продолжаются.

- Ну, если так, рано или поздно научатся, – улыбнулся поэт.

- Конечно, - согласился Ясик. – Если чего-то очень хочешь, обязательно этого добьешься...

Он вспомнил телепередачу о человеке, который мечтает изобрести эликсир бессмертия. Рассказы о встречах с инопланетянами. А о предстоящем полете на Марс? А чудеса нанотехнологии?

Нет, окружающий мир переполнен волшебством. Но у каждого времени свои чудеса.

Глава 14. Заблудившийся ковчег

- Забулус Евгеньевич, это Ярослав – путешественник во времени.

Невысокий, худощавый старик с длинной седой бородой и выпуклыми, внимательными глазами оглядел Ясика с головы до ног.

- Ничуть не заметно, - констатировал старичок. – А где ваш реквизит? Где компас, карта, тексты заклинаний? Так что не обессудьте, господин поэт...

Николай Степанович развел руки в стороны.

- Ярослав отправился в путешествие не по своей воле..., и мы должны помочь ему... точнее, им вернуться обратно...

Забулус Евгеньевич еще раз осмотрел Ясика.

- Из какого времени изволили прибыть?

Он спросил об этом с таким видом, как будто ему каждый день приходилось встречать посланцев из разных миров. Хотя, кто их знает, этих магов!

Николай Степанович по дороге объяснил Ясику, что Забулус Евгеньевич – единственный ученик недавно умершего Хранителя Ковчеха Времени. То есть, и сам без пяти минут Хранитель. Оказывается, была такая должность. А кто его знает, какие обязанности у учеников Хранителя?

- Прошу, господа, в зал. – Пригласил их Забулус Евгеньевич. –

Рассаживайтесь, а я принесу чаю. – Он поклонился Ясику. – Простите, уважаемый гость, но в эти дни даже Хранители обходятся без прислуги...

Ясик понимающе улыбнулся. С ним и так обходились, как со знатной персоной. И нельзя сказать, что Ясику это не нравилось.

Они прошли в комнату, стены которой были обиты деревянными резными панелями и затянуты шелком, сели за стол. Вдоль стен тянулись стеллажи с

книгами, на подоконнике синел глобус, а в простенке между стенами сияла гроздьями звезд карта небесной сферы.

Не успел Ясик как следует рассмотреть комнату, Забулус Евгеньевич уже вернулся. В руках он нес поднос, на тонкой серебряной пластине стояли стаканы с чаем, тарелки с яблоками, печеньем и аккуратно разрезанным бастиончиком хлеба.

- Прошу отведать, у Филиппова покупал, – улыбнулся Забулус Евгеньевич. – А заодно рассказывайте...- он посмотрел на Ясика. - Вижу, нам следует поторопиться...

Вероятно, он разглядел, что Ясик торопится. Да, от ученика Хранителя ничего не скроешь. Наблюдательный старичок!

Николай Степанович вопросительно посмотрел на Ясика.

- Прошу вас, дружище! Перескажите еще раз...

Ясик снова рассказал о своем походе вместе с мамой и сестрой в магазин за шубой, о продавце в звездчатом колпаке, о ночном визите трех незнакомцев и про все-все, что им пришлось пережить за те несколько дней, которые они провели в революционном Петрограде 1919 года.

В комнате было тепло, тихо, только иногда где-то вдалеке, словно кувалдой по цистерне, била по пустынному городу артиллерийская канонада, и тогда в окнах знобко вздрагивали стекла, а в большой люстре покачивались зеленые хрустальные шарики, похожие на капли винограда.

Иногда в окнах что-то мелькало и вспыхивало. В эти мгновения Забулус Евгеньевич, полуотвернувшись к окну, шевелил губами, вопросительно поглядывал на поэта, после чего возвращался к прерванному разговору. Ясику даже показалось, что небо вдруг расчертила молния, после чего в окно ткнулся раскатистый гром. Но это уже вовсе выглядело небывало, - гроза в октябре!

Когда Ясик закончил, Забулус Евгеньевич встал и, извинившись, вышел.

- Спасибо, Ярослав. По-моему, Забулус Евгеньевич все понял... - ободрил его Николай Степанович. – Вот увидите, он обязательно нам поможет.

Через пару минут дверь отворилась. Хозяин, медленно ступая, внес в комнату высокий металлический штатив, который, как елка праздничными шарами, был увешан стеклянными колбами разнообразных размеров. В некоторых, исходя паром, клубилась жидкость, в других, растопырив перепончатые лапки, бегали по стенкам крохотные ящерицы, в - третьих, сидели на металлических жердочках ядовито-яркие, тропических расцветок, крохотные птицы. Может быть даже, это были колибри.

Хранитель аккуратно поставил штатив у стола, сделал приглашающий жест.

- Посмотрите внимательно, - он понизил голос до шепота, который, тем не менее, звучал внятно, - сейчас перед вами появятся человеческие лица.

Возможно, кого-то из них вы знаете?

Ясик встал, подошел к колбам.

- А где они появятся? – уточнил он.

- Не задавайте лишних вопросов, - проговорил рядом чей-то голос. –

Смотрите и узнавайте...

Мягкая вспышка на мгновение его ослепила. Когда мелкая туманность рассеялась в воздухе, в глубине колб замелькали, задрожали человеческие фигурки. Иногда это были группы людей, которые проносились перед глазами, словно куски сновидений, иногда разноцветными пятном на стекле загоралось и гасло чье- то лицо. Постепенно мелькание прекратилось, фигурки удлинились, выросли, на стенках колб проявились отчетливые контуры. В основном на волшебном стеклянном экране мелькали лица немолодых, бородатых мужчин, морщинистых стариков, древних старух с потухшими глазами. Но вскоре гладь стекла задрожала, затрепетала, и на поверхности проявились более молодые лица.

Ясик вглядывался в них до рези в глазах, боясь упустить знакомый лик.

Наконец, в висевшей с правого края колбе вспыхнул маленький огонек и по

гнутому стеклу заструилось видение – перед небольшой группой плохо различимых отсюда людей мелькала, мельтешила чья-то спина. Она приблизилась, разбилась на капли, а когда снова собралась в целостный фрагмент, перед глазами Ясика вдруг отчетливо проявилось лицо старика в звездчатом колпаке.

— Вот! Вот он! – закричал Ясик, ткнув в колбу пальцем. – Этот старик переместил нас сюда! Это он!

От волнения у него на глазах выступили слезы. Ясик вспомнил маму, Олю, и папу, который, наверное, не находит себе места, не понимая, куда запропастилась его семья.

- Все, верно, - Забулус Евгеньевич и Николай Степанович встали у него за спиной. – Это один из них...

- И кто он? – тихо спросил Николай Степанович.

Забулус Евгеньевич раскинул руки и, раскрыв ладони, провел ими над поверхностью колбы.

- Гомунулус обыкновенный... При сотворении получил имя Звездочерт – обладает внешностью звездочета и дьявольски вредным характером. Отсюда – Звездочерт... Крайне обидчив, не терпит, когда ему возражают... - Хранитель прикрыл глаза и как будто уснул.

– Да... - через мгновение продолжил он, - вот и особая примета – является обладателем хрустального шара...

- Дьявол, этого нам еще не хватало! – выкрикнул поэт.

- Николай Степанович, - укоризненно протянул Хранитель. – Я бы вас попросил при мне не поминать...

- Простите, - Николай Степанович тронул Ясика за плечо.

Ясик так и не понял, почему сообщение о том, что Звездочерт обладает хрустальным шаром, так их взволновало.

- И где его искать? – Николай Степанович никак не мог успокоиться. – Ведь он может пребывать в самом неожиданном месте! Где угодно – в Египте, в Индии, в древнем Китае...

Ясик внимательно прислушивался к тому, о чем говорили за его спиной поэт и ученик Хранителя, а сам продолжал созерцать картины, оживающие на чудесных экранах из стекла. Там разворачивались знаменитые исторические битвы – он узнал отряд, который когда-то видел на фреске, посвященной Грюнвальдской битве. Перед глазами выросла горка, составленная из перевернутых повозок, диванов, разбитых стульев. А на самом верху этой потешной пирамиды стоял мальчик-санкюлот и бил в барабан. Судя по всему, это был фрагмент Великой Французской революции...

- Я попытаюсь послать ему импульс...- сказал Забулус Евгеньевич. – И он его примет, мы перехватим его на выходе из щели...

- Это было бы здорово! – обрадовался Николай Степанович. – Будем ждать... Ясик, увлеченный созерцанием величественных картин, даже не заметил, когда ученик Хранителя вышел из комнаты.

Скоро видения погасли. Николай Степанович сидел за столом и с улыбкой смотрел на взволнованного мальчика.

- Наверное, ты хочешь знать, что здесь происходит? – спросил он. Ясик кивнул.

- Присядь, я тебе объясню. Только... слушай внимательно...

Он положил ладони на стол – тонкие и сильные они были похожи на две металлические пластины.

- Ты когда-нибудь слышал о том, что когда-то землю населяла раса Счастливых Людей? – спросил поэт.

Ясик кивнул – он решил, что разговор идет об Атлантах.

- ...однажды они, зная, что на земле ничто не бывает вечным, решили увековечить время, в котором были счастливы. Для этих лучших мастеров, собранные со всех концов страны, изготовили Ковчег, в который искусные

маги погрузили Время. С тех пор он получил название Ковчега Времени...К нему была приставлена когорта специально обученных магов... Их-то и называли Хранителями Времени...

Николай Степанович говорил размерено и негромко, но Ясику почему-то казалось, что эти слова нисходят с самого неба.

-...когда же раса Счастливых ушла за горизонт, они вместо себя оставили Ковчег. И местность, где хранился Ковчег, была защищена от бед Его присутствием. Хранители зорко следили за тем, чтобы Ковчег был надежно защищен. При появлении малейших признаков опасности они перевозили его в другую страну, которая тут же начинала процветать и благоденствовать.

Николай Степанович поднялся со своего места и подошел к окну. Приоткрыв штору, он долго всматривался в блеклую октябрьскую ночь, словно пытаясь разглядеть в этой мгле судьбу Ковчега Времени.

- В середине восемнадцатого века, - поэт повернулся, - Ковчег привезли в Петербург – на тот момент это было самое безопасное место на земле. Если ты помнишь, приблизительно в это же время Россия расцвела – русские выигрывали все войны, у нас были самые обильные урожаи и здесь жили самые счастливые люди ...

Николай Степанович поднял руки и мягкими, плавными движениями задернул шторы. Огни десятки свечей, расставленных в разных концах комнаты, зашевелились и затрепетали.

- ...но по следу Ковчега долгие годы шел Орден Разрушителей... Он мечтал захватить Ковчег, чтобы уничтожить его и заставить людей навсегда забыть о Времени и Счастье. В конце девятнадцатого века они узнали, что Ковчег находится в России. Началась охота...

Ясик с трудом представлял себе, как может выглядеть Ковчег. Ведь для того, чтобы хранить Время, он должен быть из чего-то необыкновенного – из магического золота или необыкновенного суперпрочного железа. Да и размеры такого вместилища должны быть нешуточными.

- А почему его не перевезли в новое место? – спросил Ясик. – Ведь раса Счастливых требовала исключить риск...

Николай Степанович вздохнул.

- ...Хранители неверно оценили степень опасности...- он покачал головой. – Я так думаю...Хотя, может быть Орден Разрушителей сумел перехитрить Хранителей и убедить их в том, что опасности нет...Было время, когда Ковчег перевозили с места на место едва ли не ежегодно. В Петербурге одно время он находился в Петропавловском соборе, потом в Инженерном замке, потом в Гатчинском дворце, в Зимнем, а последние несколько лет и вовсе в Юсуповском...

— Вот это да! – удивился Ясик. – Так ведь это совсем рядом с моим домом... Он нередко бывал в знаменитых дворцах вместе с родителями и классом, и всегда подозревал, что в этих просторных, наполненных трепетным светом залах происходило не только то, что осталось в истории. Но и более значительные, пусть внешне ничем не примечательные события...

- В 1917 году отчаявшиеся Хранители прятали Ковчег в самых неожиданных местах. Даже, в Смольном институте... Им казалось, что о таком безобидном месте Разрушители не догадаются...

- Но они догадались? – не удержался Ясик.

- Увы, - качнул головой поэт. – В октябре 1917 года Разрушители попытались овладеть Ковчегом...Хранители бились, как львы... Им удалось спасти Ковчег от гибели, но его большую часть разрушили, - поэт покачал головой, Ясику показалось, что у него на глазах блеснули слезы. - И Время перестало соответствовать Месту...

Николай Степанович вернулся к столу, сел. Ясик чувствовал себя так, как будто это он лично не сумел уберечь Ковчег.

- Разрушители завладели частью Хрустальных Шаров, из которых был собран Ковчег. А это волшебные амулеты, которые помогают проникать в любые

времена... Разрушители создали множество искусственных людей, гомункулусов, и отправили их во все концы мира с приказом сеять зло...

- Тот самый Звездочерт - из их команды?

- Да, - Николай Степанович наклонил голову. – Это один из тех, кто владеет Хрустальным Шаром. Мы отлавливаем их всюду, где только можем, но пока не справляемся – они разбежались во все концы...

- И что же теперь будет?

Николай Степанович поднял глаза.

- Хранителям необходимо починить Ковчег и переправить его в безопасное место...

- А может, вначале нужно переправить его в безопасное место, а потом починить?

Николай Степанович покачал головой.

- Разрушенный Ковчег перемещать нельзя, это может привести к распаду Времен...

- А сколько времени нужно, чтобы его починить?

— Это знают только Хранители и...

Поэт посмотрел куда-то поверх его головы. Ясик глянул туда, куда смотрел Николай Степанович – в раскрытых дверях стоял Забулус Евгеньевич.

Он был в длинном широкополом плаще, в правой руке ученик Хранителя сжимал трость с круглым деревянным набалдашником.

- Теперь, Ярослав, ты посвящен в одну из главных тайн мироздания. – Торжественно произнес Забулус Евгеньевича. – Придет час, и эта великая тайна может потребовать от тебя решительных действий!

- Я готов! – Ясик вскочил со своего места. – Но вначале мне нужно спасти маму и сестру, - тут же вспомнил он.

Забулус Евгеньевич решительно взмахнул тростью.

- А вот этим нам и предстоит заняться...Пойдемте, мне стало известно время перехода...- он посмотрел на часы, висевшие на дальней стене. – Опаздывать нельзя...

Глава 15. Последний переход

У ворот дома стояла пролетка – небольшая коляска с откидным верхом. Рядом прогуливался невысокий молодой человек в короткой суконной тужурке. Он приветливо кивнул Николаю Степановичу и Ясику, а Забулусу Евгеньевичу поцеловал руку.

Троица расселась на мягких сиденьях, возница набросил кожаный верх. Сразу потемнело, по крыше упруго забарабанил дождь. Ясику стало уютно, и очень грустно. Он так соскучился по родителям и сестре, хотя расставаться с поэтом и учеником Хранителя ему тоже не хотелось.

Лошадиные копыта бодро застучали по булыжной мостовой. Мимо неслись дома, арки, колонны. Они убыстряли свой бег, и если Ясик первое время еще узнавал отдельные улицы, то вскоре все замелькало, как в раскрученном маховике. Пролетка неслась очень быстро, быстрее, чем гоночный автомобиль под управлением Шумахера, но при этом Ясика даже не укачивало. Он смотрел в широкую спину возницы и мечтал только об одном – найти маму и Олю и поскорее вернуться домой.

Ясик так размечтался, что не заметил, как пролетка остановилась у какого-то моста.

— Это ваш дом? – повернулся к нему Забулус Евгеньевич.

Ясик высунул голову наружу. Он его сразу узнал.

- Да! – прошептал он сдавленным шепотом. - Но его здесь не было!

Забулус Евгеньевич покачал головой.

- Запомните, дома по четной стороне канала исчезают из видимого мира по четным дням...А по нечетным – возвращаются... Таково правило...

Ярослав, потеряв голову от счастья, забыл расспросить об этом подробнее, и как угорелый, ринулся к приоткрытой двери парадного, краем уха уловив пожелания Забулуса Евгеньевича. Впрочем, его напоминание было традиционным: он, как обычно это делал папа, просил, чтобы они взяли с собой только самое необходимое.

Лестничные пролеты мелькали под ногами серыми колесницами: один – второй – третий...

Вот и она, та самая дверь. Ясик толкнул дверь плечом и вбежал в прихожую.

- Ясик, это ты? – из глубины квартиры раздался родной голос, голос его мамы.

Потеряв голову от охватившего его счастья, Ясик влетел в комнату, бросился маме на грудь и принялся целовать родные лица.

- Яська, где ты был? – Оля прижалась к его груди. – Мне было не с кем играть...

Мама же, напротив, ничуть не сердилась. Она даже ни о чем не спрашивала.

Он была счастлива тем, что Ясик вернулся.

- Пойдемте! «Нас ждут», —сказал Ясик.

Мама с удивлением посмотрела на него, но ничего не спросила. Похоже, она понимала, что с этим временем у Ясика сложились особые отношения.

Они быстро собрались, мама хотела прихватить с собой чемодан, но Ясик, помня напутствие Забулуса Евгеньевича, потребовал, чтобы она оставила его в квартире. И мама, вздохнув, рассталась с любимым скарбом навсегда.

Когда они вышли, от пролетки уже и след простыл. Поэт и ученик Хранителя стояли на набережной и почему-то внимательно смотрели в воду. Услышав шаги, они оглянулись.

— Это мама...Елена Андреевна... И сестра...Оля... - представил родных Ясик.

Забулус Евгеньевич приподнял шляпу и поклонился, а Николай Степанович поцеловал обеим руки, чем привел маму в смущение, а Олю в полный восторг.

- Этот господин принял меня за маленькую даму, - шепнула Оля, взмахнула своими густыми ресницами и сделала книксен.

- А ты и есть маленькая дама, - тоже шепотом ответил ей Ясик.

-Ребята, тише! – повернулась к ним мама.

Ясик с Олей, улыбнувшись друг друга, умолкли.

- Ну, что друзья? – Забулус Евгеньевич внимательно осмотрел лица друзей. – Нам предстоит небольшое...э-э...дельце...И от вашего усердия зависит, как быстро вы окажетесь дома...Поэтому прошу беспрекословно выполнять все мои распоряжения...

Он перебросил трость из правой руки в левую, вытянул перед собой руку и радостным, чистым фальцетом провозгласил:

- За мной, друзья! Мое сердце подсказывает – сегодня я стану Хранителем! Вначале они шли вдоль канала, потом свернули в боковую улочку, на которой Ясик никогда не бывал, вошли в полутемный двор-колодец. По каменному рукаву перешли в следующий двор. Несколько раз Забулус Евгеньевич останавливался, вынимал из кармана хрустальный шар, дышал на его поверхность и долго смотрел в глубь, силясь что-то разглядеть.

- Там же ничегошеньки не видно, – шепнула Оля. – Что он там разглядывает? Ясик строго на нее посмотрел и Оля, смутившись, отвернулась.

- Еще один переход и мы у цели...

Они снова двинулись следом за учеником Хранителя. Оля шла, держа маму за руку, Ясик шагал рядом с Николаем Степановичем.

- А вы не знаете, что такое – душеулавливатель? – Ясик вспомнил о разговоре между Кургузовым и Грабиняком и решил спросить об этом у поэта.

Николай Степанович взял его за руку.

- А вам откуда про это известно?

Ясик рассказал. Поэт покачал.

- Рискованно...Но ты это здорово придумал...И ведь почти не ошибся... - он положил руку Ясику на плечо. - Душеулавливатели – это приборы, которыми

вооружены Хранители Времени. Что-то вроде пылесоса для очищения от разнообразной нечисти...

Забулус Евгенийевич поднял руку, все замерли.

- Здесь. – Он сунул руку в карман, достал круглые, похожие на свинцовую битку, старинные часы, откинул крышку. – Через пятнадцать минут откроется Щель между Мирами... Вам надо успеть в нее проскользнуть...

- А она - узенькая? – Оля внимательно посмотрела на Забулуса Евгенийевича.

- Мы не застрянем?

- Оля! – укоризненно шепнула мама.

Забулус Евгенийевич улыбнулся.

- Она довольно широкая... Даже конный экипаж не застрянет, а уж человек... - он развел руки в сторону, что означало полную невероятность оного предположения. – Я имел виду, что Щель между Мирами обычно открывается на очень короткий период... Поэтому надо быть готовым ко всему ...

Ясик поднял голову и огляделся. Они стояли посреди обычного каменного прохода. Такими арками, туннелями и каменными рукавами проходов опутан весь город, так что ничего необычного здесь не было. Ясик посмотрел на стены. Тоже ничего примечательного: серая штукатурка местами осыпалась, полукруглые своды покрывала потрескавшаяся краска, в пазах между обнаженными кирпичами белел засохший раствор.

Ничего необычного, сулящего волшебство. Ясик подошел к стене и на всякий случай прикоснулся к камню ладонью.

- Осторожно! – мгновенно повернулся к нему Забулус Евгенийевич. – Эти стены - живые...

Ясик едва успел отдернуть руку. Ему показалось, что кирпичный ряд изогнулся, по нему словно волна пробежала, после чего стена приняла прежний вид.

- Мы можем напороться на Патруль Времени...

Забулус Евгеньевич отошел в сторонку. Замер, прислушиваясь. Вокруг было тихо, где-то неподалеку в гулкой водосточной трубе журчала вода, под порывами ветра хлопала незакрытая форточка. Вдалеке процокали копыта. Смолкли.

Ученик Хранителя снова вынул часы, откинул крышку, поднял голову.

- По-моему идут? – шепнул Николай Степанович.

Ясик ничего не услышал – разве что легкое, чуть слышное завывание залетевшего в каменный проход, ветра. Но Забулус Евгеньевич расслышал в этом шепоте то-то иное.

Он резко развернулся. Его лицо сильно побледнело.

- Ничего не предпринимать... Сидеть молча... Бояться не надо – я рядом...

Он шагнул к маме, поднял руку и хрустальным шариком, который сжимал в пальцах, быстро коснулся ее лба. Следом хрустальный шар ожег лоб Оли, Ясика и Николая Степановича. Последний был сам Забулус Евгеньевич – он прижал шарик к голове и резким движением тыльной стороны ладони провел им вверх-вниз.

Все это Ясик наблюдал, сидя на каменном выступе в компании трех воробьев. Впрочем, он и сам был такой же крохотной, нахохлившейся, едва видимой птицей. Только Оля, сидевшая на расстоянии вытянутого крыла, казалась торжественной и важной. Ясик едва не рассмеялся – сестра потеряла свой всегдашний задор и теперь была похожа на маму. Так же забавно выглядел и Николай Степанович – перья на его голове торчали в разные стороны, как будто перед тем, как превратиться в птицу, он пытался удалить остатки своих волос.

А вот сам ученик Хранителя выбрал другое обличье. По грязноватому камню топал, разгуливал небольшой голубь-сизарь. Такие нередко обитают в питерских дворах, селятся под крышей, лазают по помойкам и доводят до инфарктов жирных домашних котов: еще бы, видит око, да зуб неймет.

Сизарь вприпрыжку дошел до арки, высунул из нее любопытную голову, вспорхнул и, быстро махая крыльями, вернулся обратно. Ясик вытянул шею и едва не свалился с выступа: в подворотню, лязгая когтями об камень, влетела пятерка непонятных существ.

У Ясика дробно застучало сердце, душа ушла в пятки (или куда там уходит душа мелких птиц?).

Вожаком стаи было двуногое существо, заросшее до самой шеи серой шерстью. Ее клочки выбивались из наглухо застегнутой длиннополой шинели, на узких, покатых плечах болталась маленькая голова с крупной, хорошо развитой пастью. Существо не могло стоять на одном месте, оно подпрыгивало, метушилось, вскидывало когтистые лапы и мотало головой, отчего крупные, остроконечные, забрызганные жесткой щетиной уши шевелились, как будто постоянно к чему-то прислушиваясь.

Следом за ним вкрадчиво шлепали лапками два крупнотелых, массивных грязно-серых хряка в черных бушлатах и заломленных набекрень картузах с козырьками. Бушлаты были перепоясаны широкими лентами с рядами ячеек, в которых торчали сигары с золотыми ободками. Широкие лапы хряков были затянуты в ботинки, похожие на ортопедические – толстые, массивные, с широкими носами. Замыкали стаю три загадочных особи: до пояса это были вполне себе люди, правда, с очень маленькими головами, похожими на птички, а от талии книзу человечески фигуры растекались бесформенными оковалками, которые были водружены на короткие, похожие на свиные, ножки.

Приглядевшись, Ясик понял, что та телесная часть, что шла от талии и до ног, напоминала туловища громадных дождевых червей. И если верхняя половина вела себя вполне по-человечьи, то нижняя тряслась, колыхалась и гнулась из стороны в сторону, словно пытаясь отыскать надежную точку опоры. Темные складки, спиралью опоясывающие розовые тела, сжимались и растягивались с усилием, так что казалось, будто они сейчас лопнут, разорвутся, заливая камень теплой животной слизью.

Живописная группа была вооружена до зубов. На открытых шеях хряков висели ошейники с металлическими шипами, острыми, как гвозди, на боках в деревянных кобурах болтались маузеры. Дождевые черви сжимали в бесформенных лапах винтовки. Вожак и вовсе был увешан оружием с головы до ног: у него на шее болтался нож в костяных ножнах, к ремню на талии были пристегнуты кобуры с пистолетами разной величины и конструкции, в костистой лапе он сжимал шар, утыканный шипами разной длины, в другой – короткую, плавно изогнутую саблю.

- Где они? – завыл вожак, задрав кверху остроконечную мордочку. – Упустил-и-и...

Оно раскрыло пасть, повернулось, и сунув саблю за пояс, ухватило хряка за мягкое студенистое плечо. Раздался хруст, по волосатой лапе вожака побежала беловатая сукровица. Хряк вскинул короткие лапы, хрюкнул и со всего размаху всадил полоску шипов в розовую пасть разгневанного вожака. Они завyli вдвоем, на пару, и, судя по слаженному вою, никто уступать не собирался. Ясик закрыл глаза и, чтобы удержаться на краю выступа, резко взмахнул крылом.

Вой смолк. Испуганный внезапной тишиной, Ясик открыл глаза и столкнулся взглядом с взглядом вожака. Его красноватые глаза вращались в щелках век гранеными кубиками, в раскрытой пасти колыхался белый, покрытый рыжей шершавиной, язык.

— Вот они...- пискнул червь, передвинув свое туловище поближе к стене. – Нашли голубчиков...

Шесть пар горящих глаз уставились на притаившихся в каменной нише птиц.

- Сейчас мы их оттуда выкурим...

Вожак, крутанувшись вокруг своей оси, выбросил вперед костистую лапу с выдернутой саблей, и бросился к стене.

Воробьи в ужасе вжались в стену, видя, как перед их клювами смертельным махом раз за разом мелькает серая сталь. Воздух, загнанный в глубину ниши,

со свистом распадался на части. С каждым взмахом конец сабли приближался, в ее прямоугольном желобе краснела застывшая кровь. Сбившись в кучу, воробышки со страхом смотрели в черный провал прохода, в котором бесновалась стая патрульных.

И тут сзади раздался шум, шелковый треск крыльев, грозный клекот и под круглыми сводами серой мешковиной мелькнул голубь. Тот самый, в которого превратился Забулус Евгеньевич.

— Вот он! – заорал, присевший от напряжения, червь.

Вожак в одно мгновение раскрутился в обратную сторону, бросил саблю, оскалил клыки и для чего-то опустился на четвереньки. Голубь, быстро работая крыльями, полетел к выходу. Вожак, оттолкнувшись от земли всеми четырьмя лапами, чуть приподнялся и, словно выпущенная ракета, полетел следом. Стая, урча от возбуждения, забыв о воробьях, ринулась за вылетевшим из прохода голубем и вожаком.

Воробьи, озираясь по сторонам, выбрались из укрытия и поодиночке слетели вниз. Голубю следовало как-то помочь. Но как? Что они могут противопоставить когтям, клыкам и оружию?

Тем временем в глубине двора раздавался рык и клекот, патрульные визжали, повизгивали, били когтями об камни. Постепенно шум переместился в дальнюю арку, оттуда в соседний двор, пока и вовсе не затерялся где-то вдали.

А через мгновение в проход вбежал человек. Воробьи дружно поднялись в воздух, намереваясь лететь, куда угодно, лишь бы подальше от этого страшного места. К счастью, это был Забулус Евгеньевич. Подбежав к каменному выступу, он протянул руку и скомандовал.

- Ну-ка, все вниз! Пора возвращаться!

Воробьи, на мгновение зависнув в воздухе, аккуратно садились ему на раскрытую ладонь.

Ученик Хранителя медленно дул на каждого, и они тут же обретали человеческий облик.

- Наступает самый ответственный момент! – предупредил Забулус Евгеньевич. – Надо торопиться, патрульные могут вернуться с минуты на минуту...

Где-то вдалеке, как будто на другом конце света, распахнулась невидимая створка. Оттуда потянуло колючим сквозняком. Этот простудный ветерок всегда отличается от обычного воздуха, от летнего его собрата, прогретого солнцем. Остудив их разгоряченные лица, он исчез, и тогда застывшие от нетерпения люди слышали тихий шаг.

Оттуда, из глубины сияющего пространства, навстречу им кто-то шел.

Постукивали каблуки, эхо мелкой птицей билось о каменный свод, и вскоре на свету вспыхнула седая борода, подковой лежащая на щеках, отсветы звездчатого колпака осыпали стены серебряными блестками.

— Это он! – крикнула Оля. – Проклятый старик!

Она бросилась к перепуганному Звездочерту, вцепилась ему рукав.

- Ты хотел нас погубить? Хотел? Говори, вредный старикан! – кричала Оля, смело глядя в его перепуганное лицо.

Это был уже не тот Звездочёт, которого мама, Ясик и Оля встретили в магазине меховых изделий. Это был другой человек - точнее, другой гомункулус. Этот выглядел старше, не было в нем той ядовитой бодрости, что была в магазине, он выглядел усталым и испуганным. А когда за их спинами выросла тень Забулуса Евгеньевича, Звездочерт окончательно сник.

- Немедленно верните шар Времени! – потребовал ученик Хранителя.

Старик в колпаке сунул трясущуюся руку в карман. Шаря рукой в кармане, он поднял голову и чуть заметно шевельнул губами.

- Он опять колдует! – вскинулась Оля.

Старик судорожно дернулся, вынул руку из кармана и распрямил ладонь – между мозолистыми бугорками, которыми была покрыта его ладонь,

покатывался хрустальный шар. Он горел, как маленькое солнце, как лампочка в тысячу ватт, на него даже было трудно смотреть.

Забулус Евгенийевич взял шар двумя пальцами и передал Ясику.

- Возьми, теперь он твой.

Свет, бьющий из глубины шара, внезапно ослабел, еще чуть-чуть померцал и потух. Теперь Ясик держал в руках предмет, ничем не отличающийся от других шаров.

- А что мне с ним делать?

Николай Степанович встал плечом к плечу с Забулусом Евгенийевичем.

- Благодаря этому Шару, ты можешь перемещаться во времени...

Ясик решительно покачал головой.

- Нет, - с твердостью сказал он. – Теперь я из своего века - ни ногой... Хотя... - он с улыбкой посмотрел на Забулуса Евгенийевича. – Спасибо вам, ученик ...

Забулус Евгенийевич хлопнул в ладоши.

- Вы ошиблись, молодой человек! – он торжественно поклонился. – После сегодняшнего происшествия мне присвоен новый статус. Отныне я – Хранитель Ковчега...

Мама и Оля с удивлением слушали разговор. Судя по выражению их лиц, они ничего не понимали.

- Поздравляю вас, Забулус Евгенийевич! – Николай Степанович пожал ему руку.

- И я! – улыбнулся Ясик. - Если бы не вы...

Новый Хранитель Ковчега предупредительно поднял руку.

- Господа, вам пора.

Они обнялись. Оля всхлипывала, мама вытирала ей глаза носовым платком, Ясик сдерживался из последних сил.

- Николай Степанович, может, вы заглянете к нам? – предложил Ясик. – А обратно вернетесь с помощью шара... Возьмите, мне не жалко...

Поэт покачал головой.

- Спасибо, дорогой, это, увы, невозможно... - он вдруг встрепнулся. - Но, если вы захотите встретиться, прочтите мои стихи... Вы слы-ы-шите?

Его голос удалялся, становилось тише, а свет, навстречу которому они шли, разгорался, слепил глаза, вскипал и омывал их, как волны. Напоследок Ясик еще раз оглянулся - две фигуры, два силуэта все еще виднелись на фоне бархатной темноты.

Еще секунда, еще шаг... Все исчезло...

Они вышли из подворотни и огляделись.

- Ну, и дела! Мы же рядом с домом... - обрадовалась мама.

В родном городе все было так, как и прежде: светило солнце, по улицам неслись потоки автомобилей, мимо шли веселые и по-прежнему беззаботные люди.

Во дворе дома стояла папина машина. Он обычно ездил на ней на работу.

- Ура! Папа вернулся! - закричали дети и побежали вверх по лестнице.

Папа, услышав родные голоса, уже ждал их на лестничной площадке.

- Где это вы так долго ходите? - он поочередно прижимал их к груди.

Мама шла последней.

- Да за шубой ходили, - сказала она.

Они обнялись, папа крепко ее поцеловал.

- И купили?

Мама и Ясик переглянулись.

- Папа, мы против убийства животных, - насупившись, сказала Оля.

Улыбнувшись, Ясик сунул руку в карман и нащупал хрустальный шар. Он был гладкий, плотный и теплый. Но сейчас Ясик в нем совсем не нуждался. А в будущем? Кто ж его знает, что будет в будущем?

Они вошли в квартиру, и Ясик сразу направился в свою комнату, открыл ящик стола и бережно сунул шар внутрь. Шар закатился в щель между тетрадями и учебниками, и затих.

Ясик потрогал его пальцем, постоял несколько минут над раскрытым ящиком и решительно его задвинул.

Пусть полежит. Может когда-нибудь и пригодится.